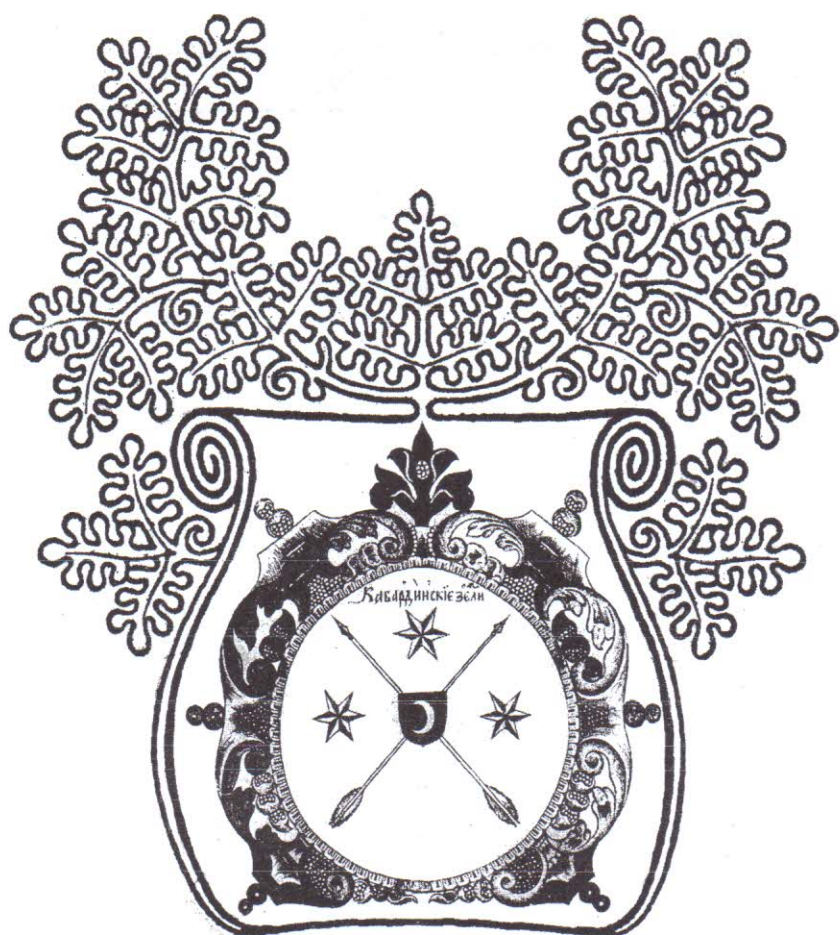

Е.В. ПЧЕЛОВ

КАБАРДИНСКАЯ ЗЕМЛЯ

в царском титуле
и русской
государственной геральдике
XVI - начала XX века

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
КАБАРДИНО-БАЛКАРСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР
ИНСТИТУТ ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
ПРАВИТЕЛЬСТВА КБР и КБНЦ РАН

Е.В. ПЧЕЛОВ

**КАБАРДИНСКАЯ
ЗЕМЛЯ**
в царском титуле
и русской
государственной геральдике
XVI – начала XX века

УДК 94 (470.64)

ББК 63.3 (2-КБ)

Пч 92

Ответственный редактор
доктор исторических наук *Н.Ф. Демидова*
Редактор
доктор исторических наук *Б.Х. Бгажноков*

Рецензенты:
доктор исторических наук *В.Х. Кажаров*
кандидат исторических наук *С.Н. Жемухов*

ПЧЕЛОВ Е.В.

Пч 92. Кабардинская земля в царском титуле и русской государственной геральдике XVI – начала XX века.
Нальчик: Издательство КБНЦ РАН, 2007. – 86 с.

ISBN 978-5-901497-32-6

Книга приурочена к 450-летию союза Кабардино-Балкарии с Россией. В ней представлена история Кавказской части титула русских монархов, связанная с наименованиями Кабардинской земли, “Черкасских и Горских князей”. Издание предназначено для историков, специалистов в области генеалогии и геральдики, для широкого круга читателей интересующихся историей взаимоотношений Российского государства с народами Кавказа.

© **Е.В. Пчелов, 2007**

© Институт гуманитарных исследований
Правительства КБР и КБНЦ РАН

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Жемухов С.Н.</i> Эволюция адыгской символики в русской государственной геральдике.....	7
--	---

<i>Введение</i>	9
-----------------------	---

Глава 1 **Установление взаимоотношений черкесских княжеств и Московского царства в середине XVI века**

§ 1. Первые связи западно-черкесских княжеств с Россией: особенности взаимоотношений	11
§ 2. Первые связи Кабарды с Московским царством	13
§ 3. Характер взаимоотношений черкесских княжеств и Русского государства	16

Глава 2 **Женитьба Ивана Грозного на Марии Темрюковне: династический брак**

§ 1. Сватовство и второй брак Ивана Грозного	18
§ 2. Крестильное имя княжны Гошаней и его семантика	20
§ 3. Царевич Василий Иванович: причины имянаречения	21
§ 4. Вещи Марии Темрюковны и их эмблематика	23
§ 5. Генеалогические связи Марии Темрюковны: сестры и братья.....	27
§ 6. Племянник Марии Темрюковны – Симеон Бекбулатович.....	28

Глава 3 **Русско-кабардинские отношения конца XVI века, семантика кавказской части царского титула и первые эмблемы адыгских земель**

§ 1. Русско-кабардинские отношения в 1560-х гг. и вопрос сюзеренитета	33
§ 2. Отношения России с Кабардой и Кахетией во второй половине 1580-х гг.: юридическое оформление протектората	36
§ 3. Появление названий Иверской и Кабардинской земель в царском титуле	40
§ 4. Семантика кавказской части царского титула	41
§ 5. Дополнение кавказской части титула карталинским «компонентом»	45

§ 6. Кавказские объекты в различных вариантах царского титула. Их внутреннее единство	47
§ 7. Семантическая трансформация кавказской части титула Эмблемы кавказских земель в «Титулярнике» и их семантика	48
§ 8. Геральдические вирши на эмблем «Титулярника»: восприятие и интерпретации	52

Глава 4

Эволюция адыгской символики в русской геральдике конца XVIII – начала XX века

§ 1. Кабардинские эмблемы в родовом гербе князей Черкасских. Его структура и семантика	56
§ 2. Гербы кавказских земель в Манифесте 1800 г. о Полном гербе Империи.....	59
§ 3. Изменения кавказской части титула в первой половине XIX в. Кабардинские гербы в Большом государственном гербе Империи 1857 и 1882 гг.....	64
Заключение	68
Примечания	71
Указатель имён	81

ЭВОЛЮЦИЯ АДЫГСКОЙ СИМВОЛИКИ В РУССКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ГЕРАЛЬДИКЕ

Первый геральдически оформленный полный титул московского царя (в XVII веке) включал в себя названия 33 земель. В то время, когда международный статус государств был неопределенным, титул имел важное значение. Подписываясь как владетель 33 земель, московский царь заявлял и отстаивал свои права на эти земли перед другими государями, часто имевшими на них свои виды. Так, в частности, обстояло дело с титулом «Государь Кабардинские земли Черкасских и Горских князей». После заключения русско-кабардинского военно-политического союза в 1557 году прошло еще несколько десятилетий, прежде чем эти названия появились в титуле московского царя Фёдора Ивановича. Геральдическое же воплощение этого титула оформилось лишь к 1672 году, когда он был представлен соответствующим гербом в «Большой государственной книге» («Титулярнике»).

Автор замечательной книги «Кабардинская земля в царском титуле и русской государственной геральдике XVI – начала XX века» Е.В. Пчелов впервые в отечественной историографии предпринял попытку систематически исследовать геральдические атрибуты кабардино-русских отношений на протяжении нескольких веков.

Большое внимание автор уделяет ряду сюжетов, касающихся царицы Марии Темрюковны (второй жены московского царя Ивана IV Васильевича и младшей дочери кабардинского верховного князя Темрюка Идарова): династическому характеру брака московского царя на кабардинской княжне, семантике крестильного имени московской царицы Марии и имени ее сына Василия, эмблематике государственных вещей царицы (свадебного блюда, печатного перстня и обнаруженного в ее захоронении волосника), ее генеалогическим связям.

Е.В. Пчелов обобщает разрозненные упоминания этих сюжетов в предшествующей литературе и дает интересную трактовку многим источникам. Особая удача – символическое описание специфических подробностей, которые благодаря этому из обыденных фактов превращаются в события, наполненные историческим смыслом. Почему кабардинскую княжну привезли в Москву в воскресенье, а венчание произошло в четверг; кто из родственников Ивана IV и какие святые носили имена царицы Марии и царевича Василия; как совпадение дня рождения сына с днем взятия города Полоцка повлияло на выбор его имени. Подобное углубление в детали позволяет Е.В.Пчелову установить живую связь с эпохой.

Исследование семантики «кавказской части» титула московского царя показывает, что понятие «Государь Иверийские земли Грузинских царей и Кабардинские земли Черкасских и Горских князей» носило территориальный (земельный) характер. Анализируя термин «земля» и сравнивая «кавказскую» семантику с аналогичной «сибирской» и «ливонской», автор приходит к выводу: «Совершенно очевидно, что понятие «земля», сопряжённый с нею титул «государь» или «повелитель» и расположение данного территориального компонента в заключительной части объектного царского титула свидетельствуют о том, что власть русского царя над этими территориями и государствами носила условный характер».

Перечисление царского титула завершалось «землями», находившимися под протекторатом России. Однако степень зависимости этих земель, в свою очередь, существенно различалась – в то время как «Сибирская земля» обязана была платить дань, а «Иверийская земля» присылать поминки, протекторат (этот термин используется в исследовании) над «Кабардинской землёй» ничего этого не предусматривал.

В то же время, историко-политическая трактовка некоторых терминов, употребляемых в исследовании, является спорной, что особенно касается понятий «покровительство» и «вассальство». Но конкретизация этих терминов не входила в задачи автора, и мы останавливаемся на них лишь потому, что в современной исторической науке сложилось иное понимание специфики и динамики взаимоотношений Московского царства с Кабардой и западно-адыгскими княжествами в XVI веке. Современная историческая наука характеризует чаще всего как военно-политический союз. В исторической перспективе до XVIII века употребляется также термин «покровительство».

Во второй половине XVII века кавказская часть царского титула, как отмечает автор, разделилась на четыре составляющие с разными эмблемами. В частности, «Кабардинские земли» представлены щитком с полумесяцем, двумя перекрещенными стрелами и тремя шестиконечными звездами, а часть «Черкасских и Горских князей» - всадником в бурке с копьем.

С развитием и расширением российского государства царский титул подвергся значительным изменениям. Сами изображения гербов «Кабардинских земель» и «Черкасских и Горских князей» входили в состав государственных гербов России вплоть до начала XX века. Шаг за шагом автор прослеживает эволюцию адыгской символики в русской государственной геральдике: в Полном гербе Империи 1800 года, Большом государственном гербе Империи 1857 и 1882 годов. Все эти сюжеты подробно и ясно изложены в книге.

Книга Евгения Пчелова является, вне всякого сомнения, значительным вкладом в историческую науку. Своей глубиной и систематичностью этот труд устанавливает новые методологические ориентиры и может стать образцом для исследований адыгской символики в почти неизвестных нам геральдических системах Турции, Ирана и Крыма.

Особую актуальность приобретает данное издание в связи с тем, что оно приурочено к 450-летию установления официальных отношений между Россией и Кабардой. Говоря словами автора, это исследование позволяет нам «глубже понять особенности как политических реалий и их восприятия, так и символических аспектов культуры России и Кабарды на протяжении нескольких столетий».

Суфьян Жемухов

ВВЕДЕНИЕ

Первые эмблемы северокавказских земель в русской геральдике зафиксированы в 1672 г. в «Большой государственной книге» — знаменитом «Титулярнике», который был создан в Посольском приказе и отражал внешне-политические связи Московского царства. По сути «Титулярник» представлял собой своего рода справочное пособие — в нём воспроизведены титулы (отсюда и сокращённое название самой книги) российского и иностранных монархов для правильного их написания в официальных документах дипломатического характера. В книге даны портреты российских государей от Рюрика до Алексея Михайловича (а в экземпляре «Титулярника» 1678 г., хранящегося в Эрмитаже, есть даже детский портрет Петра I), портреты иностранных монархов — западноевропейских и восточных, патриархов Православных Церквей.

Имеет «Титулярник» и большое геральдическое значение: полный титул московского царя проиллюстрирован в нём 33 гербами тех земель, названия которых входили в титул. Кроме того, в «Титулярнике» изображены и 13 гербов иностранных монархов. Таким образом, этот свод титулов, портретов и гербов наглядно демонстрировал международные контакты России того времени.

Над созданием этой замечательной книги работала целая группа художников Посольского приказа и Оружейной палаты под руководством старшего золотописца Посольского приказа Григория Антоновича Благушина. Текст «Титулярника», содержащий краткие сведения по истории России и информацию о её дипломатических отношениях с другими странами, был составлен переводчиком Посольского приказа, известным дипломатом и учёным Николаем Спафарием Милеску и подьячим Петром Васильевичем Долгово. Книгу преподнёс царю Алексею Михайловичу тогдашний руководитель Посольского приказа боярин Артамон Сергеевич Матвеев (всего «Титулярник» известен в нескольких списках, которые хранятся в Российском Государственном Архиве Древних Актов и Государственном Историческом Музее в Москве, Российской Национальной Библиотеке и Государственном Эрмитаже в Санкт-Петербурге).

Итак, каждый элемент объектного титула российских государей, т.е. каждое название территорий, в нём отражённых, представлен в «Титулярнике» определённой эмблемой. Среди других эмблем здесь присутствуют и эмблемы, соответствующие словам титула «Кабардинские земли» и «Черкасских и Горских князей» государь». По существу это *территориальные (земельные) гербы*, но поскольку их изображения вплоть до начала XX в. входили в состав государственных гербов России, то можно говорить о гер-

бах северокавказских земель (как и других территорий Российской Империи) в русской *государственной геральдике* (в этом ключе история этих гербов и рассмотрена в настоящей работе).

Однако сами северокавказские названия появились в царском титуле значительно раньше, чем был составлен «Титулярник». Впервые они зафиксированы ещё в конце XVI в. — в период правления царя Фёдора Ивановича. Следовательно, долгое время титул «Государь... Кабардинские земли Черкасских и Горских князей» не имел геральдического воплощения. В свою очередь, сами эти наименования вошли в состав титула лишь спустя несколько десятилетий после установления первых связей княжеств Северного Кавказа и Московского царства.

Иными словами, процесс вхождения северокавказских территорий в орбиту интересов и влияния русских царей, который отразился в соответствующих наименованиях в царском титуле и в гербах «Титулярника», занял довольно значительный период времени. Анализ истории кавказской части объектного титула русских царей и северокавказских эмблем в русской геральдике может прояснить некоторые существенные особенности и характер ключевых событий этого процесса.

Автор выражает искреннюю и глубокую благодарность за высказанные пожелания и замечания, а также за помощь в подготовке работы к изданию: директору Кабардино-Балкарского Института гуманитарных исследований Б.Х. Бгажнокову, материалы которого использованы в первой главе книги; руководителю Центра истории народов России и межэтнических отношений Института российской истории РАН В.В. Трепавлову; председателю Кабардино-Балкарского Историко-родословного общества А.А. Максидову; председателю Армянского Историко-родословного общества Р.М. Абрамяну; президенту Всероссийского Геральдического общества И.С. Сметанникову.

Считаю своим долгом принести благодарность З.М. Кешевой и А.С. Кунашеву за помощь, оказанную при подготовке книги к печати.

Глава 1

УСТАНОВЛЕНИЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ ЧЕРКЕССКИХ КНЯЖЕСТВ И МОСКОВСКОГО ЦАРСТВА В СЕРЕДИНЕ XVI ВЕКА

§ 1. Первые связи западно-адыгских княжеств с Россией: особенности взаимоотношений

Как известно, первое «черкасское»¹ посольство приехало в Москву в ноябре 1552 г.²

Это было посольство от «черкасских государей» западно-адыгских народов – живших в бассейне реки Кубани черкесов бесленеевских, жанеевских и абазинских. Возглавляли это посольство князья Маашук (Машуко) Кануков, Иван Езбозлуков и Танашук³. В историографии отмечается, что причиной установления связей адыгов с Россией в 1550-х гг. была международная политика того времени – война между Турцией и Персией за Закавказье в 1548–1555 гг., набеги крымского хана на Русь и Северный Кавказ, восточная политика Русского государства, «особенно присоединение к России Казанского и Астраханского ханств»⁴. Вероятно, непосредственным поводом для первого «черкасского» посольства в Москву являлся поход крымского хана против мятежных жанеевцев, совершённый в 1551 г.⁵

Крымское ханство, опиравшееся на поддержку Османской империи, совершало такие нападения на земли адыгов регулярно, начиная с 1475 г. За весь этот период, насчитывающий 75 с лишним лет, в различные области Черкесии десятки раз посылались войска, встречавшие мужественное сопротивление адыгских народов. Многие из этих походов заканчивались полным разгромом крымцев и особенно тяжёлые потери они несли в Кабарде. Так, в 1518 г. в Кабарде были наголову разбиты военные отряды крымского султана Бахадыр-Гирея, сына крымского хана Мухаммед-Гирея. По свидетельству русского посла в Крыму Ильи Челищева, из Кабарды вернулась лишь одна треть крымского войска, а две трети погибли⁶.

Несмотря на это, усилия крымских ханов и османских султанов по установлению своего господства в Черкесии не ослабевали. После победы в 1517 г. над мамлюкским султаном Египта и смерти последнего аббасидского халифа османская династия присвоила себе статус вселенских халифов. В этой обстановке натиск крымцев на Кабарду усилился, и черкесские кня-

жества почти ежегодно подвергались нападению крымских войск. В то же время, к середине XVI века Московское царство уже было могущественным централизованным государством. И потому взоры черкесских князей всё больше и больше обращались к своему северному соседу в надежде обрести в нём защитника от иноземной агрессии.

На установление связей «черкасских» княжеств с Россией не могло не повлиять и взятие русскими войсками Казани (2 октября 1552 г.) – событие, всколыхнувшее весь мусульманский мир соседей Московского царства⁷.

В ближайшие после 1552-го годы в отношениях России с восточными соседями наступил качественно новый этап: в 1554 г. русские войска вошли в Астрахань, а ещё через два года было упразднено и само ханство; в Москве появились посольства от правителей Хивы и Бухары; союзником Ивана IV Грозного стал ногайский правитель Исмаил; в 1555 г. сибирский бек признал себя вассалом русского царя – на этом общем фоне неудивительно, что и Северный Кавказ обратился в сторону новой, мощной силы, столь явственно заявившей о себе на Востоке.

Важно подчеркнуть, что главной просьбой западно-черкесских князей была защита их от крымского хана. Иначе говоря, северокавказские соседи просили от России прежде всего военной помощи в обмен на то, чтобы государь «их з землями взял к себе в холопи»⁸, т.е. принял их на свою службу, прежде всего военную. В случае удовлетворения просьбы черкесские князья становились вассалами русского царя. По-видимому, первоначально, этот вассалитет не оформлялся какими-либо документами (типа «шертных записей»). В августе 1553 г. государь «черкасских князей отпустил по их челобитию в Черкасы, и крест государю целовали на том, что им со всею землею Черкасскою служити государю до своего живота: куды их государь пошлет на службу, туды им ходити»⁹ (крестоцелование, по мнению историков, может свидетельствовать, что среди адыгов тогда сохранялось христианство¹⁰).

Вместе с князьями царь отправил «в Черкасы» своего посла Андрея Фёдоровича Щепотьева «правды их видети». Щепотьев провёл в Черкесии два года, разведывая обстановку.

В августе 1555 г. вместе с Щепотьевым в Москву приехали «князи черказские от всей земли Черказские», а точнее, также от западно-адыгских племён («жаженьские черкасы», т.е. жанеевские черкесы) во главе с жанеевским князем Сибоком. Князья просили царя о военной помощи против турецкого султана и крымского хана, «а они холопи царя и великого князя и з женами и з детьми во веки». При этом князья «дали правду всею землею быти им неотступным от царя и великого князя и служити им в веки, как им государь велит». Царь князей «пожаловал», т.е. их просьбу удовлетворил, хотя в помощи против турок отказал, потому что «турский салтан в миру со царем и великим князем, а от Крымского их хочет государь беречь». Кроме того князьям выдали «казенное жалованье»¹¹.

Совершенно очевидно, что это был шаг на пути к протекторату России над западно-черкесскими княжествами: князья давали обязательство служить царю, получая жалованье, причём давали «правду» царю от имени всей своей «земли», т.е. собственных подданных, и такое положение объявлялось постоянным и в будущем («во веки»). Очень важным аспектом при этом было крещение князей и вообще черкесов. В дальнейшем этот вопрос неоднократно возникал во взаимоотношениях с черкесами и кабардинцами.

Иными словами, русское присутствие в этом регионе должно было стать не только военно-политическим, но и религиозным.

Летом 1556 г. русские войска вторично заняли Астрахань. Астраханское ханство в качестве самостоятельного государства прекратило своё существование. Теперь всё Поволжье вошло в состав Московского царства. Рубежи России вплотную придвинулись к землям Северного Кавказа. Это не могло не вызвать новый всплеск активности северокавказских правителей по отношению к могущественному северному соседу¹².

В июне 1557 г. «приехали князи черкасские служить государю», «и царь... их пожаловал и устроил их»¹³. Речь идёт о западно-черкесских князьях – бесленеевском князе Маашуке (Машуко) Канукове и жанеевском Сибобе Кансаукове и нескольких мурзах. Оба князя крестились: Маашук с именем Иван, а Сибоб с именем Василий. Их крестильные имена соответствовали именам их сюзерена царя Ивана IV и его отца Василия III (напомним, что имя «Иван» носил и князь Иван Езбозлуков). Князья Черкасские (так они именовались в России) принимали участие в Ливонской войне и были отпущены домой в феврале 1560 г. вместе с назначенным «в Черкасы» воеводой князем Вишневецким¹⁴.

§ 2. Первые связи Кабарды с Московским царством

В июле того же 1557 г., «прислал из Асторохани Иван Черемисинов да Михайло Колупаев Ваську Вражского с черкасским мурзою с Кавклычем Кануковым, а пришел от братии от кабартынских князей черкасских от Темрюка да от Тазрюта-князя бити челом, чтоб их государь пожаловал, велел им себе служитьи и в холопстве их учинил»¹⁵ (это «челобитье», судя по всему, было принято¹⁶).

Так начались первые связи России с Восточной Кабардой, где находилось княжество, в котором правили потомки Инала-мурзы – представители рода Идаровых. Темрюк был старшим из пяти сыновей Идара. К тому времени он являлся и верховным князем (пши-валием, пшышхуэ) Кабарды. В качестве своего посла Темрюк выбрал мурзу Кавклыча (Канклыча) Канукова, вероятно, принадлежавшего к роду бесленеевских князей, что может свидетельствовать о подчинении Бесленеевского княжества верховной власти Кабардинского пшышхуэ.

Военная помощь на этот раз требовалась со стороны астраханских воевод против дагестанского шамхала. Причём, кабардинские князья сообщали, что с ними «в одной правде и в заговоре иверской князь и вся земля Иверскаа и государю с ними же бьют челом, чтоб государь... их по тому же пожаловал, как и тех всех»¹⁷. Для истории появления в царском титуле кавказских объектов это известие имеет принципиально важное значение, как свидетельство того, что русско-грузинские и русско-кабардинские отношения развивались параллельно и взаимосвязанно.

Тогда же к астраханским воеводам «пришли послы от крымшевкала и от всей земли Шевкальские да от тюменского князя с поминки бити челом, чтоб государь пожаловал их и велел быти в своем имени, и в холопстве у себя учинил, и приказал бы астороханским воеводам беречи их от всех сторон, и торговым бы людем дорогу пожаловал государь, велел чисту учинить; и что ся государю у них полюбит и что велит к себе прислати, ино все то к государю присылати станут ежегод»¹⁸.

Рис. 1. Приезд кабардинских послов в Москву в 1557 г.
Миниатюра лицевого свода Синодального собрания ГИМ. № 962, л. 303об.

Судя по всему, московское правительство предпочло поддерживать кабардинцев, а не их восточных соседей, придерживавшихся прокрымской и протурецкой ориентации¹⁹. Впоследствии дагестанские правители ещё не раз пытались установить контакты с Москвой. Так, в октябре 1558 г. «из Черкас» в Москву приехали сыновья Темрюка, «чтобы государь их жаловал, своих холопей, и оборонь учинил от шевкальского государя», и тогда же приехали «с любовным челобитьем» посольства из Хивы («Юргенча») и Бухары, от Тюменского князя с поминками и просьбой, чтобы царь «держал их в своем

Рис. 2. Помощь русского отряда кабардинскому князю Темрюку против его «недругов». Миниатюра лицевого свода синодального собрания ГИМ, № 962, л. 518об.

имени», и от самого шевкала «с поминки и з челобитьем, чтобы их царь и великий князь оборонил от холопей своих от Черкасских князей»²⁰ (!).

А в декабре 1559 г. тюменский мурза Мамай Агишев просил послать войско против своего дяди, тюменского князя, и «учинить» его на Тюмени князем, «а он холоп государев неотступен во веки». «Да ис Шевкал к государю приказывают, чтобы прислал рать на Крым-Шевкала, а им дал иного, а они всю землю холопи государевы неотступно»²¹. «Однако установившиеся в эти же годы взаимоотношения Русского государства с Кабардою исключали

поддержку шамхала против кабардинцев», — пришла к заключению Е.Н. Кушева²².

Позиция Ивана IV в данном случае вполне естественна. К этому времени, русско-адыгское боевое содружество уже не раз было проверено на деле. Известно, что уже в самом начале установления взаимоотношений, летом 1555 г., войско боярина Ивана Васильевича Шереметева было послано в степь навстречу войскам крымского хана, чтобы отвлечь их от похода на Черкессию. В ходе сражения с крымцами русские понесли тяжёлые потери, но спасли адыгов от очередного разорения²³.

Адыги, в свою очередь, в 1558 г. приняли активное участие в действиях русских войск в начавшейся Ливонской войне. По свидетельству летописи, в октябре 1558 г. царь направил к ливонскому замку Рынголу (Рингену), находившемуся во владениях дерптского епископа, среди других отрядов и дружины черкесских князей — бесленеевского Ивана (Маашука) Канукова и жанеевского Василия (Сибока) Кансаукова, которые выступили в передовом полку. «А велел воеводам (*царь*) съездаться в передовой полк ко князю Ивану Маашуку Черказскому»²⁴. По словам военного историка В.А. Потто, кабардинцы отличились в Ливонской войне «при взятии города Мильтена и, в особенности, при осаде города Дерпта, под которым они совместно с русскими войсками наголову разбили немецкую конницу, пытавшуюся сделать вылазку из города»²⁵.

В сентябре 1562 г., уже после женитьбы на Марии Темрюковне, в связи с обострившейся ситуацией в Кабарде, грозившей смещением Темрюка, Иван IV направил туда «посольством» Григория Семёновича Плещеева, вместе с которым из Казани и из Астрахани было отправлено 500 стрельцов, во главе с Григорием Вражским, и 500 казаков. «А велел государь Григорью Плещееву с стрельцы и с казаки жити у Темрюка и слушати его во всем и от всех его недругов беречи и в войну ходити с его людьми вместе, куды его Темрюк-князь учнет посылати»²⁶.

Воспользовавшись этой поддержкой, Темрюк вступил во владения непокорного кабардинского князя Пшеапшоко Кайтукова, союзником которого был основатель Малой Ногайской орды мирза Гази бен Урак (Казый Ураков русских источников). «И Темрюк со государскими людьми недругом своим недружбу довел и в свою волю их привел, а воевал Шепшуковы улусы... и взяли три городки... А те городки были Шепшуковы-княжие, и люди тех городков добили челом Темрюку-князю, и дань Темрюк-князь на них положил»²⁷. В 1565 г. в тех же целях в Кабарду была послана рать под началом воеводы князя Ивана Дмитриевича Дашкова. При поддержке русских войск Темрюк вновь действует против «непослушного» Пшеапшоко, владениям которого был нанесён большой урон²⁸.

Действия Темрюка были направлены на установление доминирующих позиций княжеского рода Идаровых в Кабарде, а затем и во всей Черкессии. Возможно, он ставил своей целью широкое политическое объединение всех черкесских княжеств, а централизаторские тенденции в середине XVI века воспринимались как весьма актуальные.

§ 3. Характер взаимоотношений черкесских княжеств и Русского государства

Итак, сведения о первых русско-«черкасских» связях ясно показывают следующее:

1. Сначала к московскому царю обратились западно-адыгские (западночеркесские) князья, а затем восточно-адыгские (кабардинские), причём для обозначения этих народностей русские источники употребляют общее название — «Черкасы». Затем уже оно могло подразделяться на более конкретные наименования — «черкасы жаженьские», «черкасы пятигорские», «черкасы кабартыньские» и др.²⁹

2. Главной просьбой «черкасских» князей была военная помощь против крымского хана (у западных племён) и против шамхала (у восточных племён).

3. В обмен на военную помощь «черкасские» князья становились «холопами» государя, обещали ему «служити», т.е. поступали на службу, признавая себя обязанными участвовать в походах русских войск на неприятеля. Периодически князьям посылалось жалованье. В свою очередь, московский царь принимал обязательство защищать верных Русскому государству кабардинских князей от их врагов.

4. Очень важным моментом было присутствие в обращениях западночеркесских князей понятия «земля» («со всею землею Черкасскою», «ото всей земли Черказские» и т.д.), что свидетельствовало о коллективном решении со стороны этих княжеств принять покровительство московского государя. Наличие такого «расширительного» контекста можно рассматривать как первые признаки на пути установления протектората, хотя следует иметь в виду, что *понятия правителя и его «земли» были в сознании людей того времени почти неразрывны (правитель олицетворял свою «землю», т.е. своё государство и своих подданных)*³⁰.

Показательно, между тем, что слово «земля» не употребляется при описании обращения кабардинских князей в 1557 г. Следовательно, в данном случае отношения строились в большей степени на «индивидуальном» уровне. Поэтому, можно считать, что принятие покровительства разными «черкасскими» княжествами имело свои особенности. Вассалитет кабардинских князей не предполагал протектората, поскольку не имел основанием решение «всей земли». Иными словами, эта зависимость осуществлялась в наиболее мягкой форме.

Летописное известие от сентября 1559 г. — «Все черкасы бият челом, чтобы их государь пожаловал, дал бы им воеводу своего в Черкасы и велел бы их всех крестити»³¹ — свидетельствует о попытке непосредственного включения территории западно-черкесских княжеств в состав Русского государства и крещении местного населения.

Воеводой в феврале 1560 г. был назначен князь Дмитрий Иванович Вишневецкий, находившийся в Западной Черкесии до 1561 г., а потом перешедший на службу в Польшу. Одновременно с Вишневецким «по челобитью кабартыньских князей и по неправдам шевкаловым» царь направил на Терек астраханского воеводу Ивана Семёновича Черемисинова «и с-Иваном отпустил попы христианские по их обещаю и челобитью крестит их, кабартанских черкас»³².

Однако Черемисинов отправился в Кабарду не в качестве царского наместника, а как предводитель военного похода против шамхала. Поэтому можно считать, что отношения России с Кабардой носили иной характер, нежели с западно-черкесскими княжествами. Кабардинские князья считались находившимися на царской службе, но сама Кабарда в административном смысле частью Русского государства не была. «Признание кабардинцев «холопами» русского царя и их служба Русскому государству не означали включения Кабарды в государственные границы и не повели к назначению в Кабарду русской администрации, как это было признано необходимым в отношении Казанского и Астраханского ханств», — справедливо отмечает Е.Н. Кушева³³.

Глава 2

ЖЕНИТЬБА ИВАНА ГРОЗНОГО НА МАРИИ ТЕМРЮКОВНЕ: ДИНАСТИЧЕСКИЙ БРАК

§ 1. Сватовство и второй брак Ивана Грозного

О статусе «черкасских» князей (причём, как западно-черкесских, так и кабардинских) свидетельствует и сам факт второй женитьбы Ивана IV. Первая жена царя, Анастасия Романовна, скончалась 7 августа 1560 г. Через неделю, 14 августа, митрополит Макарий с церковными иерархами и боярами «били челом царю..., чтобы государь скорбь о своей царице и великой княгине отложил» и подумал о новой женитьбе. 16 августа царь объявил о своём решении жениться, «а искати бы ему невесты в иных землях»³⁴. Важно подчеркнуть, что тем самым Иван IV решил заключить именно *династический* брак, т.е. брак с представительницей другого («иноземного») правящего рода.

Для чего это было нужно царю? Дело в том, что последние браки подобного плана в роду московских Рюриковичей имели место лишь в конце XV – начале XVI в. В 1472 г. великий московский князь Иван III (дед Ивана Грозного) женился на византийской принцессе Зое (Софье Фоминичне) Палеолог, причём сами Палеологи к этому времени престол уже утратили (на племяннице Софьи – Марии Андреевне – женился троюродный брат Ивана верейский князь Василий Михайлович Удалой). В 1483 г. старший сын и наследник Ивана III Иван Иванович (Молодой) женился на дочери молдавского господаря Стефана Великого – Елене «Волошанке». В 1495 г. дочь Ивана III и Софьи, Елена Ивановна, вышла замуж за великого литовского князя Александра Казимировича. Наконец, в 1506 г. другая дочь Ивана III и Софьи, Евдокия Ивановна была выдана замуж за ордынского «царевича» Кудайкула Ибреимовича (единокровного брата казанского хана Мухаммеда-Эмина, из рода внука Чингис-хана Тука-Тимура), который перед этим принял крещение с именем Пётр. Оба брака Василия III (отца Ивана Грозного) династическими не были. Не являлся таковым и первый брак самого Ивана.

Таким образом, более полувека род московских государей не заключал династических браков. За это время изменился сам статус московского великого князя – как известно, в 1547 г. Иван IV венчался на царство. Однако царский титул московского государя далеко не сразу был признан на международном уровне. Так, константинопольский патриарх Иоасаф II утвердил царский титул за Иваном Васильевичем в конце 1560 г. (Уложенной соборной грамотой Константинопольской Церкви), о чём в Москве стало известно в сентябре 1561 г.³⁵ В этих условиях женитьба на иностранной принцессе могла

способствовать укреплению престижа российского государя на мировой арене и международному признанию его нового статуса.

Сначала были направлены посольства к европейским дворам: в Литву, «к королю о сестре» (к королю Польскому и великому князю Литовскому Сигизмунду II Августу, у которого было две сестры) и «к шведскому королю дочерей смотреть» (т.е. к шведскому королю Густаву Васа, у которого было две дочери). Когда стало ясно, что попытки сватовства в Швеции и в Польше окончились неудачей³⁶, были отправлены посольства к «черкасским князьям»: жанеевскому князю Сибоку Кансаукову (в феврале 1561 г., посол Борис Иванович Сукин), к этому времени уже крестившемуся, и кабардинскому «большому» князю (пши-валию, пщышхуэ) Темрюку (Темгрюку) Айдаровичу (Идаровичу) (послы Фёдор Васильевич Вокшерин и Семён Мякинин).

Посольство к жанеевским князьям (как мы помним, первым из «черкасских» правителей, кто обратился за помощью к Москве) также оказалось безрезультатным, да и сами закубанские адыги вскоре совершенно выпали из орбиты российской политики на Кавказе, признав сюзеренитет крымского хана и турецкого султана. Посольство же к Темрюку Идаровичу увенчалось успехом: 15 июня 1561 г., в воскресенье, в Москву приехала дочь Темрюка княжна Кученей (Гоашаней, Гуашэней)³⁷, которая и стала новой московской царицей Марией Темрюковной. Замечу, что приезд в Москву царской невесты именно в воскресенье, по всей видимости, имел определённое символическое значение.

То, что сватовство царя к кабардинской княжне стояло в одном ряду со сватовством к польской и шведским принцессам (хотя возможному браку с представительницей европейской династии, конечно же, отдавалось предпочтение), ясно свидетельствует о *династическом характере* второй женитьбы Ивана IV. Хотя с российской стороны кабардинские князья и считались находящимися на службе царя, по терминологии того времени - «холопами», они признавались и на самом деле оставались «государями», то есть правителями самостоятельных государственных образований (в данном случае княжеств), что, конечно, ещё раз служит подтверждением того, что Кабарда в то время частью Российского государства не была. Тем не менее родство со своим сюзереном существенно упрочило положение Темрюка в Кабарде в качестве верховного князя³⁸. Существенно укрепило оно и позиции Московского царства в борьбе с ее противниками. Оценивая брачный союз Ивана IV и Марии Темрюковны русский историк Семен Броневский писал: «Сей поступок, был ли он следствием пристрастия или политических вычетов, произвел по догдашним обстоятельствам весьма выгодное для России сближение горских народов, наипаче Кабардинцев, Тюменских и Таманских Черкесов, которые в походах Царя Ивана Васильевича на Лифляндию, Польшу и против Крымских татар, отправляли службу наряду с Российскими войсками, и храбростью, им свойственною, много способствовали его победам»³⁹.

Следует также иметь в виду, что крымские ханы и турецкие султаны нередко брали себе жён из адыгских княжеских родов. Поэтому, когда Иван Грозный посылал сватов к Сибоку и Темрюку, «московское правительство, несомненно, преследовало политические цели, противопоставляя свои планы сватовства брачным связям султана и хана»⁴⁰.

Вероятно, на обращение царя Ивана в сторону кабардинских князей при поиске невесты «в ыных землях» повлиял и тот факт, что ещё с 1558 г. при царском дворе находился сын Темрюка Салнук-мурза (Салтан, Салтанкул), принявший православие с именем Михаил (он приехал в Москву в октябре 1558 г. вместе с братом Булгайруком просить военной помощи против шамхала)⁴¹. «От Тохтамыша и его брата Бекбулата, женатого на дочери Темрюка Айдаровича, и от Михаила Темрюковича царь Иван и его интимные советники могли иметь много сведений о дочерях кн. Темрюка и вообще о невестах у кабардинских князей, — отмечал С.Б. Веселовский⁴².

Кстати, впоследствии Михаил Темрюкович женился на дочери боярина Василия Михайловича Юрьева, который доводился двоюродным братом царице Анастасии Романовне. Таким образом, семьи первой и второй жён Ивана IV оказались генеалогически связанными друг с другом, и Мария Темрюковна стала родственницей покойной Анастасии Романовны. Следует обратить внимание и на тот факт, что тёщей Михаила (женой Василия Михайловича Юрьева) была княжна Анастасия Дмитриевна Бельская⁴³, сестра боярина князя Ивана Дмитриевича Бельского, одного из руководителей Земщины и, самое главное, царского родственника по линии дочери Ивана III — Евдокии (более подробно о генеалогических связях Бельских, Мстиславских и Черкасских речь впереди)⁴⁴.

Упомянув о Марии Темрюковне, нельзя обойти молчанием и ряд интересных сюжетов, связанных с этой личностью.

§ 2. Крестильное имя княжны Гоашаней и его семантика

Первый сюжет касается крестильного имени княжны. 6 июля 1561 г., опять-таки в воскресенье, протопоп Благовещенского собора (т.е. домового храма русских государей), царский духовник Андрей (будущий митрополит Афанасий) огласил её «ко крещению и нарек ей имя во имя Святыя Марии Магдалины», и тогда же черкасская княжна была официально наречена царской невестой. Крещение Марии произошло через две недели, 20 июля, также в воскресенье⁴⁵, в кремлёвском Успенском соборе (обряд совершал митрополит Макарий). Венчание состоялось через месяц, 21 августа, «на память Святаго Апостола Фаддея, в четверг» (также в Успенском соборе, «а венчал... преосвященный Макарий митрополит всеа Русии»)⁴⁶.

Память Мироносицы Равноапостольной Марии Магдалины отмечается церковью 22 июля. Это и был день тезоименитства царицы Марии Темрюковны. Имя Мария было выбрано, вероятно, не только по календарной близости дня памяти святой, но и по особой значимости Марии Магдалины для христианской церкви. Символический смысл могло иметь и то, что Мария являлась ближайшей последовательницей самого Христа, и то, что она почиталась и почитается *Равноапостольной*, т.е. в том чине святых, служение которых приближалось к служению Апостолов. Равноапостольными почитаются святые, которые распространяли Христово учение на другие народы, крестили их (как, например, император Константин и императрица Елена, просветительница Грузии Нина, просветители славян Кирилл и Мефодий и др.). Таким образом, наречение кабардинской княжны в память Марии Магдалины могло также символически указывать и на миссионерские устремления русского православия по отношению к кабардинцам — напомним, что вопрос распространения православия на земли соседних народов за-

нимал не последнее место в политике Московского государства в этом направлении (в том числе и применительно к «черкасским» народам).

Отмечу, что само имя Мария в качестве имени супруги великого князя Московского встречается в XV веке – так звали жену Василия II, мать Ивана III, боровскую княжну Марию Ярославну, и первую жену самого Ивана III, тверскую княжну Марию Борисовну. Вряд ли можно сомневаться в том, что Иван Грозный был наречён в память своего деда Ивана III, хотя патрональные святы у них разные: у Ивана III таковым был Иоанн Златоуст, а у Ивана Грозного – Иоанн Предтеча⁴⁷. В этом контексте наречение кабардинской княжны именем Мария приобретало дополнительную семантику, отсылая к уже имевшейся в поколении деда Ивана Грозного антропонимической паре «Иван и Мария»: Иван (III) Васильевич и Мария Борисовна – Иван (IV) Васильевич и Мария Темрюковна (при этом следует иметь в виду, что если Иван III был дедом Ивана Грозного, то Мария Борисовна его бабушкой не была). Имена царя и царицы воспроизводили антропонимическую ситуацию первой семьи Ивана III.

Ещё один аспект, связанный с именем Марии Темрюковны – это храмовое строительство в московском кремле. Как известно, в кремле существовала дворцовая церковь Рождества Богородицы, возведённая ещё в конце XIV в. по распоряжению вдовы Дмитрия Донского княгини Евдокии Дмитриевны и заново отстроенная итальянским архитектором Алевизом Новым в 1515–1516 гг.⁴⁸ Это была домовая церковь великих княгинь и цариц. Она примыкала к комплексу дворцовых построек с запада, как бы завершая ансамбль Постельных хором, т.е. личных покоев царской семьи (в 1630-х гг. на их месте был выстроен Теремной дворец). Церковь Рождества Богородицы, таким образом, находилась слева от фасада Теремного дворца, обращённого на юг (справа располагался Верхоспасский собор), или слева по отношению к Благовещенскому собору, если смотреть лицом на восток. Рассматривая Соборную площадь кремля как образ храма под открытым небом⁴⁹, нетрудно заметить, что церковь Рождества Богородицы в этой символической топографии относится к левой, «женской» части храмового пространства. Так же она занимает левое положение по отношению к дворцовым покоем, опять-таки маркируя «женское» пространство в ориентации на фасад дворца. С начала XVII в. по письменным источникам известно о существовании у церкви Рождества Богородицы двух приделов – Никиты Переяславского и Марии Магдалины. В науке высказано предположение, что возникновение обоих приделов относится к 1560-м гг. и связано с царствованием Ивана Грозного⁵⁰, который, в частности, особенно почитал святого Никиту Переяславского⁵¹. Наречение же Марии Темрюковны в память Марии Магдалины может объяснять наличие придела, посвящённого этой святой, в домовом храме цариц. Возможно, оба придела могли появиться вскоре после 1564 г., когда царская чета побывала на освящении собора в Никитском Переяславском монастыре (14 мая). Причём царь затем уехал в Троице-Сергиев, а Мария Темрюковна задержалась в Никитском и просила монахов молиться «о устроении земстем и мире всего православного христианства»⁵².

§ 3. Царевич Василий Иванович: причины имянаречения

Примечательно и имя единственного сына Ивана IV и Марии Темрюковны. Царевич Василий Иванович родился в воскресенье 21 марта 1563г.,

когда царь возвращался в Москву после взятия Полоцка, а скончался 3 мая того же года (был похоронен в кремлёвском Архангельском соборе)⁵³. Патрональным святым царевича, скорее всего, был Василий Анкирский, чья память празднуется 22 марта⁵⁴. Рождение царевича накануне этого дня обусловило его имянаречение, в династическом плане отсылавшее, между тем, к имени его деда, т.е. отца Ивана Грозного, великого князя Василия (III) Ивановича. Таким образом, перед нами пример весьма распространённого типа имянаречения – по деду; причём и имена и отчества у деда и внука были одинаковы (но различны патрональные святые: святым покровителем Василия III был Василий Парийский (память 12 апреля, сам князь родился 26 марта⁵⁵)). Любопытно, что имя Василий уже носил в крещении один из «черкасских» правителей, а именно жанеевский князь Сибок, связи с которым, впрочем, прервались с начала 1560-х гг⁵⁶.

Существенно, что получение царём известия о рождении сына носило, помимо фактического, и глубоко символический характер. Недавно было обращено внимание на довольно долгое возвращение царя в Москву: «напрашивается предположение, что царь хотел дожидаться повторения события, которое произошло много лет назад, во время возвращения его из Казанского похода. Тогда В.Ю. Траханиотов известил его о появлении на свет царевича Дмитрия. ...21 марта по дороге к Москве к нему (*царю*) прискакал всё тот же Траханиотов и сообщил радостную новость – Мария родила сына, названного Василием»⁵⁷. И действительно, оба события почти буквально повторили друг друга. Взятие Полоцка в этой семиотической перспективе оказывалось столь же значимым как и взятие Казани, оба события ознаменовались рождением царевичей: первого сына у первой жены (наследника престола!) и первого же сына у второй (больше детей у Ивана Грозного и Марии Темрюковны, впрочем, не было), известия о которых царь получил, подъезжая к Москве, и даже гонцом в обоих случаях был один и тот же человек – боярин Василий Юрьевич Траханиотов (однако и жизнь царевича Василия оказалась даже более короткой, чем жизнь его старшего единокровного брата). В этом контексте ещё более значимым представляется выбор имён. Если взятие Казани ознаменовалось рождением царевича Дмитрия, то этот выбор отсылал к имени победителя татар Дмитрия Донского, о чём прямо говорится в летописном известии (оба элемента этой антропонимической пары в данном случае оказались полностью идентичными друг другу – царевич и великий князь носили не только одинаковые имена (Дмитрий), но и отчества (Иванович), общим у них был и святой покровитель (Дмитрий Солунский))⁵⁸. Совпадение же взятия Полоцка и рождения царевича Василия, вероятно, определило выбор имени, отсылавшего к имени Василия III, который в своё время отвоевал у Великого княжества Литовского Смоленск.

Захоронение царевича Василия Ивановича в Архангельском соборе не сохранилось⁵⁹. Однако можно предположить, где оно могло находиться (летописные известия не указывают места погребения). 4 июня 1553 г. погиб в результате несчастного случая малолетний сын Ивана IV и Анастасии Романовны царевич Дмитрий. Он был похоронен в могиле своего деда Василия III («в ногах у великого князя») на солее храма с правой стороны от царских врат⁶⁰. Как показывает анализ некрополя Архангельского собора, малолетних царевичей могли захоранивать в могилы их предков – можно предположить, что и царевича Василия Ивановича похоронили в могиле кого-то

из его ближайших прародителей, скорее всего, в ряду великокняжеских захоронений на правой части солеи храма (там расположены захоронения Василия II, Ивана III и Василия III).

§ 4. Вещи Марии Темрюковны и их эмблематика

Блюдо. Второй сюжет, связанный с Марией Темрюковной, касается эмблематики принадлежавших ей вещей. Сохранилось несколько предметов царицы Марии. Прежде всего необходимо назвать один из шедевров московской Оружейной палаты – хорошо известное золотое блюдо (диаметр 42,3 см, вес почти 3 кг), декорированное чернью, созданное в кремлёвских мастерских в 1561 г. и, вероятно, являвшееся свадебным подарком царя своей невесте (на блюде ей подносили свадебный головной убор) (Рис. 3)⁶¹.

Рис. (фото) 3. Золотое блюдо царицы Марии Темрюковны, подаренное ей Иваном IV. 1561 г.

По борту блюда идёт черневый орнамент из стеблей и листьев трилистника. По всей видимости, использование в декоре трилистника отсылало к символу Святой Троицы. Среди орнамента расположены шесть клейм с надписью: Божиею м(и)л(о)стію благочестиваго ц(а)ря і велікого князя Ивана Васілевичя г(о)с(у)д(а)ря всея Русіи зделано блюдо благоверної ц(а)р(и)це велікои княині Марєи в лето 7000 шестьдес[я]ть девятого

(В словах: «милостію» – и десятиричное с двумя точками; «царя» – а йотированное; «князя» – в первом случае юс малый, во втором а йотированное; «Васілевичя» – и десятиричное с двумя точками и а

йотированное; «государя» – а йотированное; «всяя» – а йотированное; «Руси» – и десятиричное с двумя точками; «благоверной» – и десятиричное с двумя точками; «великой» – и десятиричное с двумя точками; «княгини» – а йотированное и и десятиричное с двумя точками; «Марей» – ять; «лето» – ять; 7000 – буквенной цифирью; «девятого» – а йотированное; над словами «Божиею» и «князя», несмотря на отсутствие сокращений – титла; вся надпись с элементами вязи).

Таким образом, блюдо имеет абсолютно определённую датировку. Между тем, интересно изображение двуглавого орла, расположенное в мишени на дне предмета. Это двуглавый орёл с раскрытыми, но опущенными крыльями, приоткрытыми клювами, из которых торчат языки, с двумя коронами на головах. Форма корон своеобразна – это не трёхчастные венцы и не пятилучевые короны, которые традиционны для изображений подобного рода, а венцы, состоящие из семи частей – центральной и трёх с каждого бока. Возможно, число семь в данном случае также могло иметь символическое значение. Но любопытно другое. Орёл, изображённый на блюде, в целом соответствует орлу русских государственных печатей предшествующего времени. Однако известно, что 3 февраля 1561 г., т.е. за полгода до женитьбы на Марии Темрюковне, «царь и великий князь печать старую меньшую, что была при отце его великом князе Василии Ивановиче, переменял, а учинил печать новую складную: орел двоеглавной, а среди его человек на коне, а на другой стороне орел же двоеглавной, а среди его иньрог (*т.е. единорог*)»⁶². Иными словами, эмблемы всадника и орла (как и единорога и орла) были соединены в общую эмблематическую композицию. Применительно к орлу с блюда Марии Темрюковны мы видим сохранение прежнего варианта государственной эмблемы, что может объясняться упрощённым характером тех вариантов государственного герба, изображения которых помещались на различных предметах царского обихода.

Перстень. Такую же ситуацию демонстрирует и следующая вещь царицы Марии – золотой перстень. До революции он хранился в собрании Оружейной палаты, а ныне находится в коллекции Государственного Исторического музея⁶³. Перстень использовался в качестве печати – известна его прорисовка, сделанная для книги А.Б. Лакиера «Русская геральдика» (СПб., 1855. Табл. XVIII) (Рис. 4).

Рис. 4. Перстень-печать Марии Темрюковны
(прорисовка из книги А.Б. Лакиера «Русская геральдика»).

Следует заметить, что эта прорисовка, часто воспроизводящаяся в различных изданиях, неточна. Щиток перстня имеет неправильную, яйцевидную форму (Рис. 5).

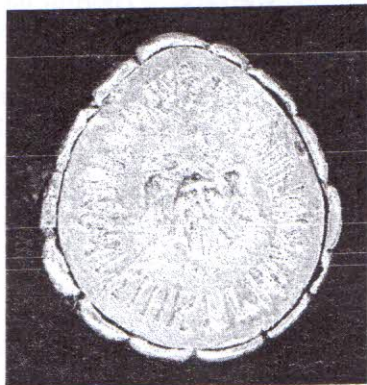

Рис. 5. Перстень-печать Марии Темрюковны, между 1561 и 1569 гг.

На внешней стороне ободка сохранились остатки орнамента. В центре на щитке перстня помещено изображение двуглавого орла. Этот орёл в целом подобен орлам конца XV – первой половины XVI в., в том числе и орлу с блюда. Крылья орла раскрыты, но опущены, клювы приоткрыты, но языков (в отличие от прорисовки Лакиера) не видно. Чётко обозначен хвост орла, состоящий из пяти перьев. Лапы орла довольно крупные, пальцы растопырены, на каждой лапе по четыре пальца, короны на головах орла лишь обозначены небольшими треугольниками. Сам размер вещи, конечно же, не позволял резчику передать все детали, но некоторые элементы получились весьма выразительными.

Вокруг центрального изображения идёт легенда: наверху точка, затем: «црці и великіи кн҃гні Мары печать» (некоторые буквы соединены лигатурами, буква «в» написана как в позднем полууставе). Вообще надпись производит впечатление более архаичной по стилю графики, нежели надпись на блюде, что объясняется, по-видимому, особенностями того материала, с которым приходилось иметь дело мастерам. Изображение орла, как видим, также отличается от его официального сфрагистического варианта, но соответствует упрощённому варианту предметов декоративно-прикладного характера. По всей видимости, такой вариант (учитывая сфрагистическую функцию перстня), отличающийся от изображения герба на царской печати, был наиболее подходящим для печати царицы.

Волосник. Ещё один предмет, связанный с Марией Темрюковной, это её волосник, обнаруженный в захоронении царицы. Мария скончалась в Александровой слободе, судя по надгробной эпитафии, 6 сентября 7078 (1569) г. в седьмом часу ночи⁶⁴, т.е. в переводе на современный суточный счёт часов – незадолго до полуночи⁶⁵. Встречающаяся в историографии дата 1 сентября, которая, очевидно, восходит к Н.М. Карамзину⁶⁶, по всей видимости, ошибочна, поскольку Карамзин ссылается на надгробную надпись, вероятно, с более позднего надгробного памятника, установленного над могилой Марии (надписи XIX в. на надгробиях мужчин великокняжеского и царского рода в Архангельском соборе содержат ошибки по сравнению с эпитафиями XVII в. на тех же надгробиях). Мария Темрюковна была похоронена в Воз-

несенском соборе кремлёвского Вознесенского монастыря у западной стены храма рядом с царицей Анастасией Романовной (слева от её захоронения). В 1929 г. сотрудниками кремлёвского музея гробницы из обречённого на уничтожение Вознесенского собора были перенесены в подвальную палату Архангельского собора, где они находятся и по сей день.

При вскрытии захоронения Марии Темрюковны был обнаружен скелет, завернутый в саван. «Ткань саван, по определению В.К. Клейн (*тогдашний заместитель директора Оружейной палаты по научной работе*), итальянская камка 16 в. хорошей сохранности на внешних частях. ... У левого плеча найден восточный сосудик – медная сулейка (В.К. Клейн). Бок её со стороны плеча проржавел и утрачен. Сосуд изъят из гробницы» (Дневник вскрытия захоронений бывшего Вознесенского монастыря в Московском Кремле, 1929 г.)⁶⁷.

Хорошо сохранился головной убор царицы – волосник⁶⁸, обнаруженный кремлёвскими археологами под руководством Т.Д. Пановой при исследовании захоронений бывшего Вознесенского монастыря в 1984 г. (Рис. 6).

Рис. 6. Волосник царицы Марии Темрюковны.

Вообще средневековый русский волосник «представлял собой шапочку, состоящую из очелья и кружевного или сетчатого верха. ... Волосник плотно облегал голову, туго стягиваясь сзади шнурком»⁶⁹. Очелья волосников украшались орнаментом, имевшим символическое значение. Наиболее распространённым элементом в композиции орнамента было стилизованное *древо жизни*, изображение которого повторялось несколько раз и могло чередоваться с фигурами птиц и животных. По нижнему краю очелья шла обычно полоса растительного побежка, обозначающего «вечное обновление жизни»⁷⁰.

Волосник Марии Темрюковны также имеет очелье с вышивкой, «выполненной в настил золотной нитью», полосу растительного побежка вдоль нижнего края очелья и кружевной верх «с геометрическим орнаментом» (выполнен в

технике плетения на рамке), причём в орнаменте очелья «использованы элементы восточного характера»⁷¹. Растительный орнамент очелья состоит из стеблей, листьев, бутонов и цветков. В нём сложно увидеть символику мирового древа, но заметны восточные (возможно, персидские) мотивы.

§ 5. Генеалогические связи Марии Темрюковны: сестры и братья

Сестры и братья. Третий сюжет, интересный в отношении Марии Темрюковны, это её генеалогические связи.

Хорошо известно, что у Марии было несколько братьев и две сестры. Старшая сестра, Алтынчач, была женой астраханского царевича Бекбулата (Бек-Пулада), брата царевича Тохтамыша, приехавшего на службу к Ивану IV ещё в 1556 г.⁷² Происхождение Бекбулата не вполне ясно. Очевидно только, что он был родственником последнего хана Большой Орды Ахмата и, соответственно, чингизидом (потомком Орда-Ичена, одного из сыновей Джучи и брата Батые).

Автор специального исследования о Симеоне Бекбулатовиче, Н.В. Лилеев, опираясь на русские родословные книги XVI в., полагал, что Бекбулат был родным внуком Ахмата (через сына Ахмата Бахтияра)⁷³. Современный исследователь истории Астраханского ханства, И.В. Зайцев, предположил, что Бекбулат – это Кайбула (Абдаллах), сын астраханского хана Аккубека (доводившегося Ахмату внуком), но это предположение очевидно неверно, т.к. Кайбула выехал на Русь ещё в 1552 г. (ум. в 1570 г.) и имел двух сыновей – Муртазу-Али и Араслана-Али⁷⁴, в то время как Бекбулат, по сообщению летописи, приехал в Москву вместе с Марией Темрюковной.

Автор фундаментального труда по истории Ногайской Орды, В.В. Трепавлов, называет Тохтамыш и Бек-Пулада сыновьями касимовского царевича Шейх-Аулиара⁷⁵, но тогда получается, что они – родные братья казанского хана Шах-Али, появившегося на свет в 1505 г. Известно, что у Шах-Али был брат Джан-Али (также в будущем казанский хан), который родился в 1516 г. и в том же году умер Шейх-Аулиар, родной племянник Ахмата⁷⁶. Очень сомнительно, чтобы братья ханов Шах-Али и Джан-Али начали самостоятельную деятельность только на рубеже 1550-х – 1560-х гг. и никак не были причастны к ситуации вокруг Казанского ханства до 1552 г.

Н.В. Лилеев полагал, что Бекбулат доводился Шах-Али (Шигалю), казанскому и касимовскому хану (царю), троюродным братом⁷⁷.

Автор специального исследования о потомках Ахмата в России, А.В. Беляков, считает, что Тохтамыш и Бек-Пулад были скорее всего двоюродными братьями Шах-Али, т.е. внуками Бахтияра⁷⁸.

Как бы то ни было, факт родства Бекбулата с Шах-Али бесспорен. Также бесспорно родство Бекбулата и с последним казанским ханом Едигером (Ядыгар-Мухаммедом), сыном астраханского хана Касима: Едигер был правнуком Ахмата. Одним словом, через Алтынчач и Бекбулата Иван IV находился в свойстве с казанскими, касимовскими и астраханскими ханами.

Другая сестра Марии Темрюковны, Малхуруб, стала женой сына правителя Ногайской Орды бия Исмаила (союзника Ивана IV) – Дин-Ахмеда (Тинехмат русских источников)⁷⁹. Впрочем, она была одной из четырёх его жён («старшей женой считалась Хандаза, дочь бия Саид-Ахмеда б. Мусы, за ней по рангу шла некая Хантай»), однако, когда в 1563 г. после смерти

отца Дин-Ахмед возглавил Большую Ногайскую Орду, Иван Грозный в обращении к нему подчёркивал взаимное «племянство»⁸⁰.

На дочери Дин-Ахмеда Хан-заде был женат старший сын и наследник сибирского хана Кучума – Али («Алей») (в 1598 г. она вместе с другими родственниками Кучума попала в русский плен)⁸¹.

Родственница Марии Темрюковны была одной из жён крымского хана Девлет-Гирея⁸². Царь относился к родне Марии как к своей и после смерти жены, о чём говорят и хлопоты Ивана о выкупе сыновей Темрюка (Мамстрюка и Беберюка) из крымского плена в 1570 г.⁸³, и слова из письма, направленного по этому поводу ханше («большой царице», т.е. старшей жене Девлет-Гирея) Айше Фатьме Султан: «... И в нашем законе христианском обычай и по смерти тело разлучаетца, а душа от любви духовнаго совета не отлучаетца. А мы, памятуя свою царицу и великую княгиню Марию, и по смерти ее кровных ее беречи и жаловати вперед рады есмя» (одновременно ханше было послано 300 рублей для поездки в Мекку)⁸⁴.

§ 6. Племянник Марии Темрюковны – Симеон Бекбулатович

Вместе с Марией в Москву приехал и её племянник, сын Бекбулата, Саин-Булат⁸⁵. Около 1570 г. он занял престол Касимовского ханства, где незадолго до этого правил его дальний родственник Шах-Али, а в первой половине 1573 г. крестился с именем Симеон⁸⁶. Крестильное имя Саин-Булата также интересно. Можно думать, что, с одной стороны, в его выборе сыграл роль ассонанс христианского имени с мусульманским (Саин-Булат – Симеон), а с другой – некая традиция имянаречения ордынских царевичей. Ещё в феврале 1563 г. принял крещение с тем же именем последний казанский хан Едигер, став таким образом царём Симеоном Касаевичем Казанским (умер в 1565 г.). Анализ крестильных имён мусульманских правителей показывает, что, вероятно, существовал определённый круг имён, наиболее часто в этих случаях употреблявшихся, к которому относились, например, такие имена, как Пётр, Александр, возможно, также Михаил.

Симеон Бекбулатович известен, конечно же, прежде всего тем, что в 7084 г. от Сотворения мира, т.е. с осени (по крайней мере, с октября) 1575 г. по август 1576 г., являлся «великим князем всея Руси». Иван же Грозный в это время именовал себя всего лишь удельным «князем Иваном Московским». В современных исторических исследованиях новую систему, созданную Иваном Грозным в 1575 г., называют «новой Опричниной» и по сути уподобляют Опричнине прежней, выявляя очевидные сходства и определённые отличия⁸⁷. Остаются, впрочем, неясными два вопроса. Во-первых, зачем понадобилось царю на год формально отказываться от верховной власти, а во-вторых, почему для роли «великого князя» был выбран именно Симеон Бекбулатович. До некоторой степени эти вопросы взаимосвязаны.

Относительно причин формального отказа царя от своего статуса (отказа, заметим, неполного, поскольку Симеон Бекбулатович царём официально, по всей видимости, не именовался и, несмотря на некоторые косвенные данные, на царство не венчался) рациональным объяснением чаще всего в историографии выступают предсказания волхвов о смерти в данном году московского царя⁸⁸. Наряду с этим и другими, условно говоря, «рациональными» объяснениями, чрезвычайно важной представляется семиотическая интерпретация истории с Симеоном Бекбулатовичем. Один из крупнейших учёных

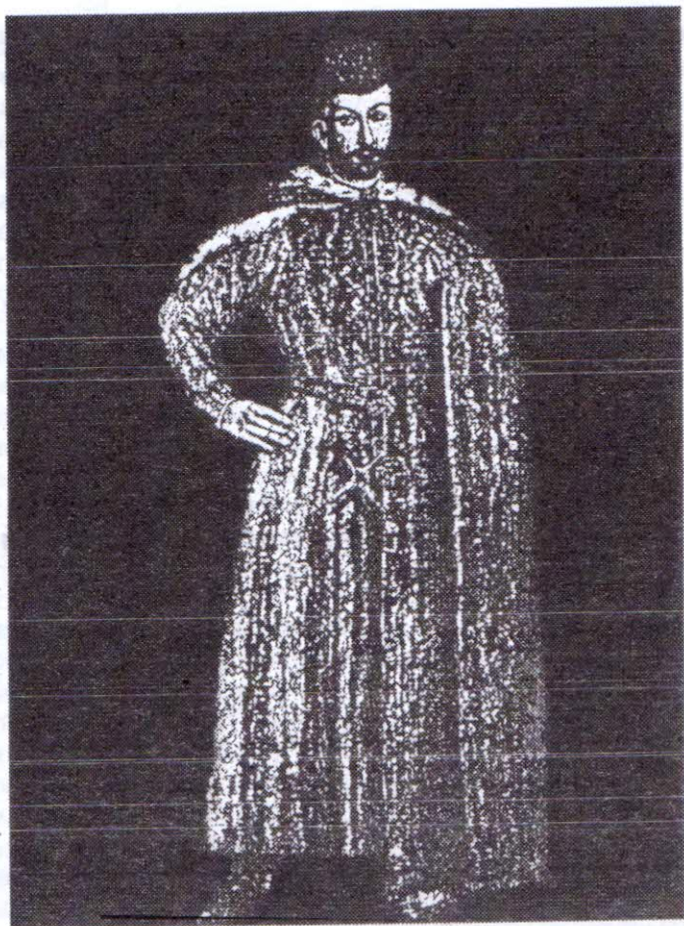

Рис. 7. Князь Симеон Бекбулатович, внук Темрюка Идарова, племянник Марии Темрюковны.

в области историко-культурной семиотики, Б.А. Успенский рассматривает это явление в контексте своеобразной «игры в царя»: «Поставление на царство Симеона Бекбулатовича непосредственно связано с учреждением (или, точнее, возобновлением) опричнины, которое также имело подчеркнуто маскарадный характер: Грозный отдаёт Симеону Бекбулатовичу «земщину», а сам правит «опричниной»... тот, кто стоит во главе земщины, выступает в роли ряженого царя... Чрезвычайно знаменательно вместе с тем, что Симеон Бекбулатович по своему происхождению является прямым потомком ханов Золотой Орды, то есть тех, кому в своё время принадлежала *действительная* власть над русскими землями и кто *назывались* царями... Таким образом, Грозный ставит на русский престол татарского хана. *Ряженым, самозванным царём становится тот, кто ранее имел бы право называться царём и править русским государством*; такой царь оказывается теперь царем ложным, царем лишь по внешнему облику - тем самым и прежние тараские ханы оказываются ложными, а не истинными царями. Перед нами как бы последний этап борьбы с татарским владычеством - этап семиотический. В свое время победив хана(царя), русский великий князь

становится царем, то есть начинает именоваться так, как именовались ханы; теперь же хан превращается в царя *самозваного*. Весьма характерно, что так поступает Иван Грозный – первый русский царь, официально венчанный на царство, то есть первый монарх, имеющий *формальное* право называться русским царём»⁸⁹. Как видим, чрезвычайно глубокая мысль Б.А. Успенского основывается в том числе и на генеалогическом происхождении Симеона Бекбулатовича. Важно подчеркнуть, что ещё до своего провозглашения «великим князем всея Руси» Симеон Бекбулатович уже являлся вполне законным *царём* – царём Касимовским, правителем государства, которое представляло собой, по сути, «московскую модель Золотой Орды»⁹⁰.

Однако, возможно, не только родство с ордынскими правителями обусловило выбор Ивана Грозного⁹¹. Другим генеалогически важным моментом было родство Симеона Бекбулатовича с самим царём Иваном. Поскольку Симеон был племянником Марии Темрюковны, то, вне всякого сомнения, он считался племянником и самого царя. Несмотря на то, что царица Мария скончалась в 1569 г., а царский шурин, Михаил Темрюкович, погиб в 1571 г., их родственники оставались в кругу царской родни. Собственно, Иван Грозный, таким образом, передал власть не просто потомку золотоордынских царей и самому *царю* (Касимовскому), но своему близкому родственнику, племяннику русской царицы⁹². Казалось бы, этому предположению противоречат слова Ивана IV, сказанные 29 ноября 1575 г. Даниилу Сильвестру (приказчику общества английских купцов, торговавших с Россией): «мы передали сан нашего правления... в руки чужеродца, нисколько не родственного ни нам, ни нашей земле, ни нашему престолу»⁹³, но необходимо иметь в виду, что в беседе с англичанином царь вообще старался представить дело так, будто ничего существенно не изменилось и что вся реальная полнота власти и даже царские инсигнии всё равно остаются в его руках.

На самом же деле поставление Симеона Бекбулатовича на престол воспринималось как вполне реальное и вполне законное. Об этом недвусмысленно свидетельствуют тексты присяги царям из рода Годуновых (присягавшие обязывались не хотеть на царство ни Симеона, ни его детей (следовательно, допускалось, что дети также теоретически могли претендовать на престол, что ещё раз подчёркивает серьёзность отношения к статусу Симеона)) и сама судьба «великого князя всея Руси» (потеря им статуса тверского великого князя при Фёдоре Ивановиче (по инициативе Годунова), опала при Годунове, возвращение ко двору при Лжедмитрии I и затем новая опала и постриг)⁹⁴. Особенно опасался Симеона Бекбулатовича (который, кажется, никаких притязаний на Московское царство и не выказывал) Годунов, выбранный царём при наличии человека, у которого имелось на это если не больше, то, по крайней мере, не меньше прав.

Между тем весьма показательным оказывается и ещё один аспект генеалогических связей Симеона Бекбулатовича. Вскоре после крещения (вероятно, одновременно с возведением на русский «престол»)⁹⁵ Симеон женился на княжне Анастасии Ивановне Мстиславской, дочери боярина князя Ивана Фёдоровича Мстиславского и княжны Ирины Александровны Горбатовой-Шуйской. Этот брак открывал невероятную генеалогическую «перспективу».

Во-первых, Иван Фёдорович Мстиславский был кровным родственником Ивана IV. Его мать, Анастасия Петровна, была дочерью казанского царевича Петра (Кудайкула) Ибреимовича и княжны Евдокии Ивановны, дочери

Ивана III и родной сестры Василия III, а, следовательно, двоюродной сестрой самого Ивана Грозного. Таким образом Иван Фёдорович Мстиславский доводился Ивану Грозному двоюродным племянником. Сын Ивана Фёдоровича, князь Фёдор Иванович Мстиславский (шурин Симеона Бекбулатовича) возглавлял впоследствии «Семибоярщину»⁹⁶. Важно подчеркнуть, что некоторое время царевич Пётр, по всей видимости, считался при бездетном Василии III потенциальным наследником престола. «Гипотеза о том, что наследником Василия III был вплоть до смерти царевич Пётр, позволяет объяснить тот парадоксальный на первый взгляд факт, что и сын Василия III Иван Грозный назначил крещёного татарина Симеона Бекбулатовича «царём» всея Руси», – подчёркивает в своей фундаментальной монографии А.А. Зимин⁹⁷.

Во-вторых, двоюродная сестра Ивана Фёдоровича Мстиславского по матери княжна Марфа Васильевна Шуйская (также внучка Петра Ибреймовича и Евдокии Ивановны) была женой боярина князя Ивана Дмитриевича Бельского⁹⁸. Как уже упоминалось, сестра Ивана Дмитриевича, Анастасия Дмитриевна Бельская, была женой Василия Михайловича Юрьева (двоюродного брата царицы Анастасии Романовны), а на их дочери был женат Михаил Темрюкович.

В-третьих, тёща Симеона Бекбулатовича, княжна Ирина Александровна Горбатая-Шуйская была дочерью боярина князя Александра Борисовича Горбатого-Шуйского, первого русского наместника Казани, казнённого в 1565 г.⁹⁹ А родная сестра Ирины Александровны, Евдокия, была второй женой Никиты Романовича Захарьина-Юрьева, родного брата царицы Анастасии Романовны¹⁰⁰. Следовательно, через свою жену Симеон Бекбулатович не только породнился с потомством Ивана III, но и стал своего рода племянником Никиты Романовича, а значит, и царицы Анастасии. *Так «великий князь всея Руси» оказался племянником не только Марии Темрюковны, но и Анастасии Романовны.*

Связанные родственными узами, все эти деятели занимали важное положение в той системе политического устройства, которую создал Иван Грозный в 1560-х, а затем в 1570-х гг. В период Опричнины опричную думу возглавлял царский шурин Михаил Темрюкович Черкасский, земщину – царские родственники (условно говоря, племянники) Иван Фёдорович Мстиславский и Иван Дмитриевич Бельский. Теперь же племянник Михаила Темрюковича и зять Ивана Фёдоровича Мстиславского, потомок ордынских ханов, Симеон Бекбулатович возглавил земщину в новом «исполнении», став «великим князем всея Руси». Таким образом, генеалогически он стал как бы наследником князя Мстиславского по управлению земщиной. Примечательно, что весь этот клан состоял в родственных отношениях, во-первых, с московской царской династией, во-вторых, с разными ветвями Чингизидов (прежде всего с казанскими и астраханскими «царями»-ханами), и в-третьих, с кабардинской династией Идаровичей. Все эти многочисленные и разнообразные генеалогические связи не могли не обусловить того положения, которое занимали эти царские родственники в системе государственного управления страной.

Показательна ситуация с центрами тех политических образований, которые фигурировали в истории с Симеоном Бекбулатовичем. Как уже говорилось, до своего назначения «великим князем» Симеон был царём Касимовским, т.е. возглавлял русскую модель Золотой Орды, будучи, по сути, наслед-

ником казанского царя Шигалея. Казанское же ханство воспринималось в качестве одного из наследников Золотой (Большой) Орды – поэтому фактически Симеон Бекбулатович выполнял роль ордынского царя (как потомок астраханских ханов, как наследник казанского хана и как правитель касимовского ханства).

Когда Симеон стал «великим князем всея Руси», то Иван Грозный титуловался «князем московским» (а также «псковским и ростовским»), но центром его «двора» была Старица. Старицкое княжество когда-то было владением последнего удельного князя Владимира Андреевича, двоюродного брата Ивана, погибшего в 1569 г. в годы опричного террора. Нет сомнения, что тем самым царь «зеркально» воспроизводил ситуацию предшествующего времени: «В годы опричнины Иван IV никого не сажал на русский престол и острие своей политики направил против последнего удела (князя Владимира Андреевича)... Теперь же Иван IV, наоборот, выделяет себе «удел», делая Старицу его столицей»¹⁰¹.

Это всё тот же «маскарад», та же инверсия прошлой реальности, которая имела место и в случае с ордынским наследием Симеона Бекбулатовича. В состав «двора» Иван Грозный включил и Дмитров, последнее владение Владимира Андреевича, а затем и его сына Василия Владимировича, который умер в 1574 г. «Семиотическая игра» продолжилась и позднее.

После того, как Симеон Бекбулатович перестал быть «великим князем всея Руси», ему были пожалованы Тверь и Торжок и он стал, таким образом, «великим князем Тверским». Когда-то тверские князья были главными противниками Москвы, а великое княжество Тверское – вторым по значению среди княжеств Владимиро-Суздальской Руси: как известно, оно прекратило своё существование в 1485 г. (в 1485–1490 гг. тверским князем номинально считался старший сын и наследник Ивана III Иван «Молодой»). Теперь ситуация прошлого приобрела новое семиотическое «отражение» – бывший «царь» Симеон Бекбулатович остался «великим князем», только уже не «всей Руси», а Тверским, в то время как Иван Грозный являлся настоящим (нынешним) царём и великим князем Московским.

Дальнейшая судьба Симеона Бекбулатовича была не простой. Свою жизнь он закончил в 1616 г., будучи иноком с именем Стефан (пострижен в 1606 г. по приказу Лжедмитрия I). Его жена также скончалась (в 1607 г.) в иночестве. Её новым именем было имя Александра. Выбор этих имён определялся обычной антропонимической традицией: иноческое имя должно было начальной своей частью (буквой) совпадать с мирским: Симеон – Стефан, Анастасия – Александра. Тот же принцип можно наблюдать и на примере имён тестя Симеона Бекбулатовича. Князь Иван Фёдорович Мстиславский также был пострижен в монахи (ещё при Фёдоре Ивановиче) – с именем Иона. В данном случае мы видим не просто аллитерацию, но и ассонанс: Иоанн – Иона (аналогичное иноческое имя получил при постриге на смертном одре и Иван Грозный).

Дети Симеона Бекбулатовича не дожили до взрослого возраста, их было пятеро и все они носили очень «знаковые» имена: дочери Евдокия, Мария, Анастасия, сыновья Фёдор, Дмитрий и Иван. Все эти имена (за исключением имени Анастасия, родового в семье потомков Петра Ибраимовича) *совпадают с именами детей Ивана Грозного* (от первого брака – Мария, Дмитрий, Иван, Евдокия, Фёдор; от шестого – Дмитрий), что чрезвычайно показательно.

Глава 3

РУССКО-КАБАРДИНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ КОНЦА XVI ВЕКА, СЕМАНТИКА КАВКАЗСКОЙ ЧАСТИ ЦАРСКОГО ТИТУЛА И ПЕРВЫЕ ЭМБЛЕМЫ АДЫГСКИХ ЗЕМЕЛЬ

§ 1. Русско-кабардинские отношения в 1560-х гг. и вопрос сюзеренитета

Вернёмся, тем не менее, непосредственно к кабардинским делам... В 1560-х – 1570-х гг. (с большим перерывом) Россия поддерживала отношения с кабардинским кланом Идаровых, т.е. правителями одного из кабардинских княжеств, претендовавших на главенство в Кабарде и во всей Черкесии.

В сентябре 1561 г., вскоре после женитьбы на Марии Темрюковне, Иван IV направил к Темрюку посольство с богатыми дарами («свое великое жалование»). Вернувшийся через год один из послов сообщил, что «Темгрюк-князь со всею своею братию и з землею учинился государю в службе»¹⁰². В 1563 г. русский посол в Крым сообщил хану, что «ныне Темгрюк князь и Черкасская земля в государя нашего воле»¹⁰³.

Для охраны перевоза на главном северокавказском пути, который вёл в Закавказье, по просьбе Темрюка Идаровича в его «вотчине»¹⁰⁴, т.е. на его земле, русское правительство построило крепость, взяв таким образом этот важнейший путь под свой контроль. Одновременно крепость была форпостом русского присутствия на Северном Кавказе – в ней имелся русский гарнизон и назначался воевода. Первая крепость, вероятно, была сооружена ещё в 1563 г. Григорием Семёновичем Плещеевым¹⁰⁵. По-видимому, она просуществовала очень недолго, потому что уже весной 1567 г. князь Андрей Семёнович Бабичев и Пётр Протасьев поставили новую крепость («город») на левом берегу реки Сунжи, недалеко от её впадения в Терек. С просьбой об этом в Москву приезжал брат Марии Темрюковны «Матлов-князь»¹⁰⁶.

Крепость называлась Терки, или Терский город. Её появление стало серьёзным шагом в продвижении России на юг. Строительство крепости обусловило приезд в Москву посольства от шамхала «с великими поминки» (среди которых был даже слон!), а тюменский князь Токлуй поспешил сообщить в Крым, будто шамхал «хочет быти в воле» русского царя¹⁰⁷.

Возведение Терского города вызвало крайне негативную реакцию Крыма и стоявшей за ним Османской империи, и в конечном итоге в начале 1571 г. крепость пришлось снести. В дипломатической переписке по этому поводу встал вопрос о взаимных правах на северокавказские земли. Турецкая сторона подчёркивала, что «то все земля, Черкасы и Кумыки и Крымшевкалы, государя нашего, и вера наша ж», а турецкий султан Селим II в июле 1570 г.

Рис. 8. Приезд кабардинского посла в Москву в 1566 г.
С просьбой о постройке русской крепости у устья р. Суэж.
Миниатора лицевого свода Синодального собрания ГИМ, № 962, л. 605.

писал Ивану Грозному: «И нашего величества князи наши холопи Кабардыанские земли искони вечные наши бывали, а ныне в Кабардынской земле город поставлен, и которые из Астороханские земли кипчажские и иные земли мусульманы к нам приезжали в наши страны, а ныне на той дороге стоят твоего величества люди, и потому к нашему величеству к странам нашим не ездят, что там поставлен город. И для того от вашего величества крымской царь Девлет-Кирей и иные многие князи холопи наши не со мною ратью ходили».

Рис. 9. Отправление из Москвы по Волге русского отряда с артиллерией для постройки русской крепости у устья реки Сунжи. Миниатюра лицевого свода Синодального собрания ГИМ. № 962, л. 613.

Русский царь, не желая обострять отношения с султаном, отговаривался незнанием: «Божьим изволением излюбив взяти есмя у кабардынского князя у Темгрюка Айдаровича дочь его за себя, и кабардинские князи нам служить учали, и по челобитью князя Темгрюка и всех кабардынских князей в их вотчине поставили город на Терке на реке по нашему приказу, и азстороханские воеводы из наших отчин из Азсторохани людей наших посылали в тот город, чтоб Темгрюку-князю от его недрузей быти сбережнее.

А того у нас и до твоей, брата нашего, грамоты слуху не было, что черкасы пятигорские твоему царьству прикладны были, и только бы нам о том ведомо было, и нам было про что на том месте город ставить, а с тобою, братом нашим, недружбу вести»¹⁰⁸.

Впрочем, ликвидация Терского городка не уберегла Москву от похода крымского хана в мае 1571 г. На несколько лет в отношениях России с Кабардой наступил перерыв. Новое кабардинское посольство в Москву («ото все Черкаские земли») прибыло лишь в начале 1578 г. Его возглавлял старший кабардинский князь Камбулат (в русских текстах Канбулат) Идарович, брат Темрюка (которого уже не было в живых). Посольство было вызвано возобновлением ирано-турецкой войны и стремлением Ирана и Турции овладеть северокавказским путём¹⁰⁹. Посольство просило царя взять кабардинских князей «под свою царскую руку», «оберегать ото всех недругов», поставить город на Терке-реке и послать туда воеводу и людей «с огненным боем», чтобы в том городе от недругов «мочно быти безстрашным».

Князю Камбулату была выдана жалованная «большая» грамота с царской золотой печатью «как в нашем жалованье всей Черкасской земле быти»¹¹⁰. Камбулат Идарович «з братьею и з детьми и с племянники» дали шерстную запись, «что послужити им государю царю и великому князю Ивану Васильевичу всея Руси и ево царевичю князю Ивану Ивановичу, навеки быти неотступным»¹¹¹. Новый Терский город (уже третий по счёту) был построен воеводой Лукой Захарьиным Новосильцевым, но и он просуществовал недолго.

§ 2. Отношения России с Кабардой и Кахетией во второй половине 1580-х гг.: юридическое оформление протектората

Новый этап в истории кабардино-русских отношений начался в конце 1580-х гг. и имел принципиальное для русской стороны значение. Спорадические связи, казалось, уступали место более основательным действиям. Взаимоотношения России с Кабардой были в этот период непосредственным образом связаны и со взаимоотношениями России с Грузией (вернее, с Кахетинским царством), поэтому кабардино-русские отношения следует рассматривать в общем контексте русско-кавказских связей.

23 сентября 1586 г. к царю Фёдору Ивановичу прибыло посольство от кахетинского царя Александра II («Иверские земли Александра царя», именовавшегося в русских дипломатических документах, как правило, только «князем»), который «сам своею головою и со всею своею землею под кров царствия и под вашу царскую руку рад поддаётся, понеже государь наш и земля наша хрестьянская, а от неверных турок в велицей беде и в утесенье». Главным условием присяге кахетинского царя на верность московскому государю была защита от мусульманских соседей. В начале апреля 1587 г. посольство отправили назад с ответом, что русский государь Александра «под свою царскую руку и в оборонь хочет взять» и город на Терке поставить. Вместе с грузинскими послами в Кахетию поехало и русское посольство Родиона Петровича Биркина, Петра Пивова и подьячего Степана Полуханова, которые должны были «царя к вере привести».

При этом в русских документах кахетинский царь именовался «Грузинские земли начальником Александром князем Иверским»¹¹². Связь с Закавказьем осуществлялась через кабардинские земли.

4 января 1588 г. в Москву приехали кабардинские князья Мамстрюко (Мамстрюк) Темрюкович (брат царицы Марии) и его двоюродный брат Куденет (Куденек-мурза) Канбулатович из рода Идаровых «от Канбулата-князя Черкасского [от] всей Черкасской Кабардинской земли государю бити челом, чтоб их государь пожаловал, взял под свою царскую руку и держал их под своею царскою рукою в своем государеве жалованье во обороне от их недругов по тому ж, как их жаловал, держал под своею царскою рукою отец его государев, блаженные памяти великий государь царь и великий князь Иван Васильевич всеа Руси». »

20 января состоялся приём у царя Фёдора Ивановича, который просьбу князей удовлетворил – «под свою царскую руку их во оборону взял», и велел «для их обороны от Турского и от Крымского на Терке город поставить»¹¹³. Причём, предполагалось, что в городе будут попеременно находиться от князей аманаты (оставленные «в заклад»). 25 июля 1588 г. Мамстрюко и Куденет были приведены от имени «Канбулата-князя и ото всех кабардинских черкас» к шертной записи. В ней говорилось, что царь взял кабардинских князей «под свою царскую руку и во оборону ото всяких недругов». «И нам, Канбулату-князю, и братье нашей Думануку-князю и всей братье нашей и детям нашим и племянником и всем нашим лутчим людем со всею Кабардою черкасскою государю царю и великому князю Федору Ивановичу всеа Руси служить, и от государя царя и великого князя быти нам всем неотступным и до своего живота...»¹¹⁴. Таким образом, шертная запись давалась от «всей Черкасской земли».

Этот документ имел принципиальное для русского правительства значение¹¹⁵. Если раньше кабардинские князья становились лишь вассалами царя (в большей степени в индивидуальном порядке), а попытки России установить определённое влияние в Кабарде успеха не имели, то теперь речь шла об установлении протектората над всей Кабардинской землёю. Этот протекторат не предполагал установления жёсткого контроля над внутренними делами Кабарды, выплаты кабардинцами каких бы то ни было налогов (дани, «поминок» и т.п.) в царскую казну¹¹⁶, ликвидации местного самоуправления (княжеств и самобытной политической системы), вмешательства в социальную, религиозную или культурную жизнь Кабарды и уж тем более включения кабардинской земли в состав Русского государства. Принципиально важными были следующие моменты:

1. Приведение к шерти, т.е. к присяге на верность как можно большего числа кабардинских князей, а в идеале и всей Кабарды;

2. Ограничение внешней политики Кабарды интересами Русского государства («не приставати» к крымскому хану, турецкому султану или иным властителям). В связи с этим помощь Кабарде против её внешних врагов. В обмен на помощь кабардинские владельцы при необходимости должны были участвовать в военных походах Московского царства.

3. Строительство форпостов России в кабардинской земле для контроля над важнейшим северокавказским путём, шедшим в Закавказье и Дагестан и над выполнением условий шерти со стороны кабардинских князей, а в случае необходимости и для военной помощи кабардинцам. При этом залогом верности князей царю должны были стать аманаты.

4. Контроль над выборами верховного (большого) князя Кабарды и утверждение этого выбора (или даже назначение пшышхуэ). В реальности

это осуществить оказалось невозможным, и фактического воплощения это стремление русского правительства не получило.

Таковы были характерные черты протектората России над Кабардой, предполагавшиеся и проводившиеся в жизнь русским правительством.

После принесения присяги от царского имени «Черкаские земли начальнику» князю Канбулату Идаровичу и другим князьям («и всее Кабардинские земли князем и мурзам») была дана царская жалованная («жаловальная») грамота с золотою печатью (июль 1588 г.). В ней вновь подтверждалось, что «мы, великий государь царь и великий князь Федор Иванович... всее вашу Черкасскую землю Кабардинскую по вашему челобитью пожаловали есмя, взяли в свое царское жалованье под свою царскую руку и хотим вас держати всее Черкасскую землю под своею царскою крепкою рукою [в службе и во обороне]...». Далее в жалованной грамоте перечислялись условия, на которых осуществлялись взаимоотношения Кабарды и России¹¹⁷.

В начале августа 1588 г. князья были отпущены домой. К этому времени воевода Михаил Иванович Бурцов уже построил новый Терский город (весной 1588 г.). Он находился на другом месте, нежели прежде – в устье Терека, на протоке реки Тюменке (поэтому иногда именовался «Тюменским острогом»). Это уже было его окончательное местоположение. Далее начали устанавливаться отношения и с другими черкесскими князьями.

Сразу же после постройки города туда приехал окоцкий мурза («окуцкий князь») Ших Ишеримов, который принёс присягу русскому царю («и я тот час в тот новый город к твоим государевым воеводам приехав, перед ними тебе, государь, правду дал», – сообщал мурза в грамоте Фёдору Ивановичу)¹¹⁸. В октябре 1588 г. вместе с кахетинскими послами в Москву прибыли и послы от князей Шиха Ишеримова и Алхаса Жанмурзина (приняты царём 16 ноября) с просьбой о том, чтобы государь их «держал под своею царскою рукою и во обороне от недругов» («а он от государя отступен не будет до века», – добавлял о своём князе посол Алхаса), а 22 февраля 1589 г. – от князей Шолоха Тапсарукова Таусалтанова и Савлука¹¹⁹.

13 октября 1588 г. в Москву вернулось русское посольство из Кахетии. Послы сообщили, что «по государеву наказу грузинсково Александра князя и его детей и чиновных людей к крестному целованью привели за всю Иверскую землю на том, что ему и его детям со всею Иверскою землею быти в государеве жалованье под его царскою рукою и от него, государя, и от его государевых детей быти неотступно и поминки ко государю посылати...». Послы привезли и список крестоцеловальной записи, которую дал Александр 28 сентября 1587 г.¹²⁰ Надо заметить, впрочем, что царь Александр, извещая персидского шаха Аббаса о том, что русский государь «учинил его под своею царскою рукою», просил о том же и шаха, т.е. фактически речь шла об установлении двойного подданства (на что шах в силу ряда обстоятельств согласился)¹²¹.

Вслед за ними, 17 октября в Москву приехали послы самого кахетинского царя, которые привезли «поминки» и просили о помощи против «неверных». Царь Александр направил Фёдору Ивановичу грамоту, в которой титуловал себя как «начальный царь и великий князь Александр Леонтиевич всея Иверские земли»¹²². 25 февраля 1589 г. казначей и дьяки объявили послам «по приговору», что русский царь взял кахетинского правителя «под свою

руку» и направляет в Грузию своих послов князя Семёна Григорьевича Звенигородского и дьяка Торха Антонова, а также «учительных людей» (духовных лиц во главе с соборным старцем Троице-Сергиева монастыря Закхеем, в ответ на просьбу царя Александра «исправить веру крестьянскую и очистить царство Иверское от неверных»). Царю Александру была отправлена жа-лованная грамота с золотой печатью (от апреля 1589 г.). 22 марта посольство было отпущено домой (выехало из Москвы 18 апреля), а 23 апреля вслед за ним двинулось и посольство от московского государя (которое также везло царю Александру и «черкасским» князьям государево жалование — дорогие одежды)¹²³.

Одновременно были отпущены и послы «черкасских» князей Шолоха, Алхаса и Ших-мурзы (к князья были посланы соответствующие грамоты).

В 1589 г. скончался верховный князь Камбулат Идарович, и в Кабарде случилось замешательство; следующим пши-валием (пщышхуэ) стал Исламбек (Асланбек) Кайтуков (Кайтукин), который тоже вскоре умер, после чего правителем стал его брат Янсох (Жансох).

О смерти Камбулата воевода князь Андрей Иванович Хворостинин узнал в конце мая 1589 г.¹²⁴ 2 июня 1589 г. он привёл к шерти трёх сыновей князя Камбулата и тлектлеша Хоту Анзорова, пользовавшегося большим влиянием в Кабарде¹²⁵. После чего «горские черкасские князи» (это наименование важно для истории царского титула) — сыновья Камбулата, Мамстрюко Темрюкович и «наш почтенной человек Хотов Анзовуров» — направили царю челобитную, в которой сообщали о смерти Камбулата и уверяли, что «от тебя, государя царя, мы, холопы твои, безотступны до своей смерти и хотим тебе же, царю государю, служить, как отец наш тебе, царю государю, при своем животе прямил и служил... И как, государь, зима пристанет, и ты б, государь царь, дал нам своих государевых воинских людей, стрельцов и казаков, а воевати твоих государевых непослушников черкас, которые тебе, государю, не прямят и не служат, и кумычан, которые тебе, государю, не прямят же»¹²⁶.

В начале августа в Терский город приехали русские послы, направлявшиеся в Кахетию. С 8 по 14 сентября они находились на Сунже, где стоял прежний Терский острог, и привели к шерти многих «черкасских» князей, в том числе Чапалау Асланбекова, представителей Янсоха Кайтукова и др. — так что, по словам посла, «вся Кабарда и Оварская и Черная земля под государеву руку приклонилась»¹²⁷.

С трудом дали шерть Алхас Жанмурзин и Шолох Таусалтанов, лавировавшие между Москвой и Крымом. Привлечение их на свою сторону было выгодно обоим странам, поскольку именно их владения находились на пути к Дарьялу и эти князья могли контролировать путь в Закавказье¹²⁸. 14 октября 1589 г. в Терский город приехали кабардинские князья во главе с Янсохом, который сообщил Хворостинину о своём избрании «на большое княжение», происшедшее на съезде (хасе) в сентябре (на этом же съезде кабардинские князья решили, чтобы «всем в государеве жалование под государевою рукою быти и служить государю») ¹²⁹. После чего Янсох «шерть дал за всю свою Кабарду» («за всю землю Черкасскую и Кабардинскую») ¹³⁰.

Между тем, 16 октября 1589 г. русские послы уже были приняты царём Александром. Кахетинский правитель особенно просил военной помощи против шамхала. Русское посольство отправилось в обратный путь с ответным

грузинским посольством¹³¹. Русские послы прибыли в Москву 15 ноября, а кахетинские — 30 ноября 1590 г. 13 декабря послов царя Александра принял царь Фёдор Иванович¹³². В своей грамоте кахетинский царь Александр бил челом русскому государю «и со всею Иверскою землею Грузинского царства»¹³³.

В то же время, 21 ноября 1589 г. казачий голова Григорий Полтев возглавил военный поход на «государева непослушника» князя Шолоха, в результате которого тот вынужден был подчиниться (вместе с Полтевым в походе участвовали Янсох и другие князья и мурзы Большой Кабарды)¹³⁴. В конце 1589 — 1590 гг. русское правительство восстановило и острог на Сунженском перевозе. Наконец, в начале 1591 г. в Москве находились посланцы от князей Шолоха Тапсарукова, Янсоха Кайтукова и Мамстрюка Темрюковича, которые отбыли вместе с кахетинским посольством 25 апреля 1591 г.¹³⁵

В мае 1591 г. на шамхала была послана рать во главе с воеводой князем Григорием Осиповичем Засекиным, к которой должен был присоединиться и князь Мамстрюко Темрюкович с «черкасами»¹³⁶. Поход в целом был успешным. Ещё ранее русское войско отвоевало у шамхала устье р. Койсу (Сулака), где позднее воевода Хворостинин (во время следующего, неудачного похода на шамхала) построил Койсинский острог¹³⁷.

Таким образом, в течение 1588–1591 гг. позиции России на Кавказе существенно укрепились. Именно в это время в царском титуле и появляются кавказские территориальные объекты.

§ 3. Появление названий Иверской и Кабардинской земель в царском титуле

Но когда же они впервые зафиксированы? Выдающийся историк-архивист С.А. Белокуров полагал, ссылаясь на документы дипломатических связей России со Священной Римской Империей, что новые слова в титуле государя встречаются «кажется, с 1593 г.»¹³⁸. Е.Н. Кушева отмечала, что названия кавказских земель были добавлены в полный титул русского царя в 1590-е гг.¹³⁹ Современный исследователь В.Н. Сокуров уточнил эту датировку. По его мнению, кавказские объекты впервые зафиксированы в грамоте Фёдора Ивановича от 25 июня 1591 г.¹⁴⁰ Их появление историк связывает с посольством кабардинских князей в Москву в начале 1591 г. Как можно думать, основанием для вывода В.Н. Сокурова послужили всё те же документы дипломатических сношений со Священной Римской Империей, изданные ещё в 1851 г. Имеется в виду грамота Бориса Годунова к графу Иерониму Шкоту и имперскому послу Николаю Варкочу¹⁴¹. Однако более внимательное исследование этого корпуса источников позволило сделать иной вывод.

Слова «государь Иверские земли Грузинских царей и Кабардинские земли Черкасских и Горских князей» впервые фиксируются в грамоте в Ригу от псковского воеводы Дмитрия Ивановича Вельяминова, которая датируется началом августа 1589 г.¹⁴² При этом в грамотах к императору Рудольфу и иных документах от июня–июля 1589 г., связанных с пребыванием посольства Варкоча в Москве, этих слов ещё нет¹⁴³. Поскольку посольство Варкоча уехало на родину 23 июля, то со всей определённостью можно полагать, что включение кавказских (в том числе и кабардинских) объектов в титул русского царя произошло на рубеже июля и августа 1589 г.

Можно думать, что непосредственным *поводом* для этого послужили дипломатические контакты со Священной Римской Империей. Русские дипломаты уверяли Варкоча в необыкновенной прочности русских позиций на Кавказе: «учинились под государя нашего царскою рукою Иверский царь, Шавкальский князь, Тюменской князь, Окутцкой князь и все Горские князи, Черкасы Кабардинские, Абазинские, Абыслейские и Ногайская орда Казыева улусу...»¹⁴⁴.

Хотя всё это в очень небольшой степени соответствовало действительности, русские дипломаты стремились как можно более зависеть могущество и влияние Московского царства на Востоке, чтобы представить Русское государство в виде необычайно мощной державы, что соответствовало более общим задачам и планам России в области большой европейской политики («с 1587 года до 1590 мы слали гонца за гонцем в Вену, убеждая Императора доставить Максимилиану (*эригерцогу*) всеми способами Корону Польскую, если не избранием, то силою – вызывались снабдить его и деньгами для вооружения – уверяли, что нам будет даже приятнее уступить сию Державу Австрии, нежели соединить с Россиею – живо описывали счастье спокойствия, которое утвердится тогда в Северной Европе и даст ей возможность заняться великим делом изгнания Турков из Византии – хвалились нашими силами, говоря, что от России зависит устремить безчисленные сонмы Азиатские на Султана; что Шах Персидский выведет в поле 200 тысяч воинов, Царь Бухарский 100 тысяч, Хивинский 50 тысяч, Иверский 50 тысяч, Владетель Шавкальский 30 тысяч, Князья Черкесские, Тюменский, Окутский, 70 тысяч, Ногаи 100 тысяч; что Россия, легко усмирив Шведа и не имея уже иных врагов, примкнет крестоносные легионы свои к войскам Австрии, Германии, Испании, Папы, Франции, Англии – и варвары Оттоманские останутся единственно в памяти!» – так замечательно охарактеризовал эту политику Н.М. Карамзин¹⁴⁵).

Очевидно, что именно дипломатические связи со Священной Римской Империей подтолкнули русское правительство включить в царский титул наименования кавказских земель. Однако *причина* такого шага коренилась в общих взаимоотношениях России с Кахетией и Кабардой. К началу августа 1589 г. Москва уже имела в своём «активе» и шертную запись от имени кабардинских князей во главе с Камбулатом Идаровичем и присягу Кахетинского царя Александра. Наименования этих территорий и вошли в состав титула русского государя¹⁴⁶. В этом контексте титул довольно верно отражал реальность.

§ 4. Семантика «кавказской части» царского титула

Проанализируем «кавказскую часть» царского титула более детально.

Во-первых, нужно подчеркнуть, что структура этой части своеобразна: она состоит из двух элементов – «Иверские земли Грузинских царей» и «Кабардинские земли Черкаских и Горских князей». При этом каждый из элементов включает определения правителей конкретных народов, относящихся к определённым землям: грузинские цари правят в Иверской земле, черкаские и горские князья в Кабардинской земле. Иными словами, эту часть титула не следует воспринимать как простое перечисление; если построить это предложение по правилам современного синтаксиса, то оно звучало бы так: «Грузинских царей Иверской земли и Черкаских и Горских князей

Кабардинской земли». Зачем понадобилось создавать такую сложную для царского титула структуру?

Сами наименования, обозначенные в «кавказской части» титула, встречаются в русских документах того времени. Так, кахетинский царь Александр именовался «царём всея Иверской земли», «Грузинской земли», правителем «Иверской земли Грузинского царства», а кабардинские князья — «горскими черкасскими князьями», князьями «Черкасской земли Кабардинской», «Кабарды черкасской». Любопытно, что кахетинский царь воспринимался поначалу русской стороной как главный правитель в Грузии («Иверии») (что не соответствовало действительности). То есть, в принципе, такие «уточняющие» наименования вполне находились в контексте дипломатической практики того времени применительно к кахетинскому и кабардинским правителям¹⁴⁷.

Кроме того, важно помнить, что царский титул в целом строился по *тернарному принципу* (разумеется, он не всегда соблюдался на практике, но общая идея вполне прослеживается). Применительно к Кабарде этот принцип выдержан со всей очевидностью: «кабардинская часть» титула действительно состоит из трёх территориальных названий. Применительно к Иверии этот принцип получил законченное воплощение позднее, в начале XVII в., когда в «иверскую часть» был добавлен третий элемент («карталинских царей»), о чём речь впереди. Но существенным для понимания смысла «кавказской части» титула представляется также наличие в ней самого определения «земля».

Если посмотреть на историю царского титула в XVI в. в целом, то можно заметить, что слово «земля» присутствовало в нём применительно только к трём территориальным объектам (имеются в виду конкретные географические наименования, а не обобщённые географические ориентиры типа «восточных, западных и северных стран/земель»):

1. В июне 1555 г. в титуле русских государей появилось обозначение «Сибирская земля»: «всея Сибирские земли и Северные страны повелитель»¹⁴⁸. Слова «всея Северные страны повелитель» уже присутствовали в царском титуле ранее, и истории их возникновения мы здесь касаться не будем¹⁴⁹. Важно, что объект «Сибирская земля» был включён в уже готовую «форму» и сопряжён с титулом «повелитель» (до 1554 г. применительно к «Северной стране» употреблялся титул «государь»¹⁵⁰).

Включение в титул «Сибирской земли» было связано с конкретными политическими обстоятельствами: в январе 1555 г. в Москву прибыло посольство от сибирского бека Едигера с просьбой о том, чтобы царь Иван Грозный «их князя и всю землю Сибирскую взял во свое имя и от сторон ото всех заступил и дань свою на них положил...». Царь принял Сибирь «под свою руку» и направил туда своего представителя Дмитрия Непейцына, который должен был Сибирскую землю «к правде привести и, черных людей переписав, дань свою сполна взять». Наименование Сибирской земли, как отметил С.М. Каштанов, вошло в царский титул ещё до возвращения Непейцына из Сибири¹⁵¹, т.е. отражало юридическую, а не фактическую ситуацию. Тем не менее пополнение титула новым объектом произошло довольно быстро после самого решения царя о принятии протектората над Сибирским ханством.

Со временем же Московское царство практически утратило какое бы то ни было влияние на сибирские дела, и сам протекторат оказался чистой формальностью. Таким образом титул «всея Сибирские земли повелитель» был по сути своей *титлом притязания*.

Примечательно, что к наименованию «Сибирская земля» применялся титул «повелитель». Правда, во второй половине 1580-х гг. очень ненадолго обозначение Сибирской земли сопрягалось с титулом «обладатель» (что, вероятно, было связано с некоторым изменением реального положения вещей), но вскоре титул «повелитель» применительно к «Сибирской земле» был реанимирован¹⁵². В самом деле, титуловать себя «Сибирским царём» Иван Грозный не мог – в Сибири правили свои «цари» (сибирские ханы):

Слова «царь Сибирский» вошли в государев титул только в 1599 г.¹⁵³ (причём, показательно, что впервые они зафиксированы в дипломатических документах русского посольства к императору Священной Римской Империи), спустя примерно год после того, как Кучум был окончательно разгромлен русской ратью под командованием тарского воеводы Андрея Матвеевича Воейкова (в августе 1598 г.). С этого времени самостоятельное Сибирское царство прекратило своё существование. Титул «повелитель», таким образом, ранее ясно показывал условность владения русского царя «Сибирской землёю», т.е. отражал ситуацию протектората.

Ещё один немаловажный аспект заключается в том, что объект «Сибирская земля» находился в заключительной части царского титула (потом, после перемещения «Сибири» в начало титула, на этом месте так и осталась «Северная страна»). Иными словами, он *завершал* владетельный титул государя (вернее, перечисление конкретных географических объектов), что, вне всякого сомнения, свидетельствовало об особом характере этого владения.

2. Вторая «земля» в царском титуле появилась в 1558 г., вскоре после того, как 22 января того же года началась Ливонская война. Уже в грамоте от 13 августа 1558 г. в царском титуле присутствует определение «государь Юрьевский Ливонской земли»¹⁵⁴. Позднее это титулование претерпело различные изменения и существовало в большом количестве вариантов (в зависимости от адресата и хода войны). Русский государь мог титуловаться как:

«обладатель Ливонские земли града Юрьева» (грамоты восточным иерархам от сентября 1558 г.)¹⁵⁵,

«Ливонские земли... государь» (грамота польскому королю от сентября 1558 г.)¹⁵⁶,
«обладатель Ливонские земли» (грамота молдавскому воеводе от сентября 1558 г.)¹⁵⁷,

«немец Ливонские земли... повелитель» (грамота турецкому султану от ноября 1558 г.)¹⁵⁸,

«государь Ливонские земли града Юрьева» (грамоты шведскому королю от июня 1559 г., января и июля 1560 г.)¹⁵⁹,

«государь Ливонские земли» (ответ русских дипломатов шведским послам от июля 1561 г., грамоты от августа 1561 г., февраля 1562 г. и др.)¹⁶⁰,

«государь Ливонский» (ответ русских дипломатов датским послам от июля 1562 г.)¹⁶¹,

«государь вотчинный / отчинный земли Вифлянские / Лифлянские» (грамота юрьевского воеводы, «наместника земли Вифлянские»

И.П. Фёдорова от октября 1562 г., перемирная грамота литовским послам от июня 1570 г., грамоты шведскому королю от августа 1572 г., января и марта 1573 г., августа и декабря 1574 г. и т.д., вплоть до первых лет царствования Фёдора Ивановича)¹⁶²,

«государь земли Вифляньские / Лифляньские» (жалованная грамота от февраля 1563 г., грамота константинопольскому патриарху от сентября 1564 г. и др.¹⁶³, а также Большая печать Ивана Грозного конца 1570-х гг.), «государь земли Немецкие» (грамота турецкому султану от марта 1571 г.)¹⁶⁴, «государь отчинные земли Лифляндские» (грамота датскому королю от июля 1573 г.)¹⁶⁵,

«государь отчий земли Лифляндские» (грамота лифляндскому королю от 1579 г.)¹⁶⁶,

«государь отчинные земли Лифлянский Немецкого чину» (грамоты императору Рудольфу II от августа 1580 г.)¹⁶⁷,

«государь отчинный и обладатель земли Лифлянский Немецкого чину» (грамота Мамстрюку Темрюковичу от апреля 1578 г.¹⁶⁸, печать Фёдора Ивановича к грамоте 1588 г.¹⁶⁹).

Поначалу этот титул был, с одной стороны, титулом *обладания* (когда речь шла о городе Юрьеве и отвоёванных ливонских землях), с другой, титулом *притязания* (при этом подчёркивались исконные права русского царя на обладание этой землёй¹⁷⁰). Но даже после окончания Ливонской войны и потери всех территориальных приобретений «лифляндский» титул всё равно продолжал сохраняться в царском титуле, всё более и более приобретая характер титула *воспоминания*.

При Фёдоре Ивановиче он употреблялся в двух вариантах:

или (в первые годы правления) в качестве наименования «государь отчинный земли Лифляньские», которое ставилось в конце объектного титула после «всея Сибирския земли и Северные страны повелителя»;

или (с конца 1580-х гг.) в качестве наименования «лифляндский», которое ставилось в объектном титуле после «белоозерского» и до «удорского, обдорского, кондинского» (такой вариант известен уже при Иване Грозном) — на «кондинском» основная часть объектного титула заканчивалась (далее следовали «Сибирская земля» и «Северная страна»). При этом и тот, и другой варианты титулов были *полными* (краткий титул оканчивался объектом «Болгарский»).

Совершенно ясно, что, во-первых, титул «государь» и определение «земля», сопряжённые с «ливонским» компонентом, и, во-вторых, расположение самого ливонского титула в *заключительной части* царского титула (и даже после «Сибирской земли» и «Северной страны» в большинстве случаев развёрнутой «ливонской» интитуляции), свидетельствуют опять-таки об *условном* характере этого владения (при Иване Грозном, разумеется, учитывая также и употребление титулов «повелитель» и «обладатель», ситуацию можно считать менее однозначной, но реальность власти московского царя над Ливонской землёй тогда отнюдь не была очевидной). Как бы то ни было, важно отметить довольно оперативное «реагирование» царского титула на приращение государства новыми землями. «Ливонский» титул сохранялся в царской титулатуре очень долго. Утверждение А.И. Филиошкина, что «им по инерции писался в первые годы своего правления Фёдор Иванович»¹⁷¹, неточно, т.к. даже в титуле Михаила Фёдоровича первых лет правления ещё присутствует обозначение «Лифляндский»¹⁷².

3. Наконец, третий компонент царского титула, в котором присутствует обозначение «земель» – это рассматриваемый нами «кавказский». Слова «государь Иверские земли Грузинских царей и Кабардинские земли Черкасских и Горских князей» также находились в заключительной части объектного титула, следуя после «Сибирской земли» и «Северной страны» («ливонский компонент» в этом случае представлял собой наименование «лифляндский» и находился в предшествующей части объектного титула, после «белоозерского» – таким образом, можно условно сказать, что кавказские земли заняли в титуле место лифляндской земли).

Итак, совершенно очевидно, что понятие «земля», сопряжённый с нею титул «государь» или «повелитель» и расположение данного территориального компонента в заключительной части объектного царского титула свидетельствуют о том, что власть русского царя над этими территориями и государствами носила условный характер (в отличие от безусловного, применительно к предшествующим титульным объектам, непосредственно входившим в состав Московского царства) – так это понималось собственно русской стороной.

Иными словами, титул завершали земли, находившиеся под протекторатом России, причём степень этой зависимости также существенно колебалась. Если «Сибирская земля», например, должна была платить ясак (дань), а «Иверская земля» присылать поминки, то протекторат над «Кабардинской землёй» вообще не предусматривал этого. Самая условная форма зависимости, равно, как и географически периферийное по отношению к российскому центру положение, и более позднее, относительно других «объектов», время принятия «под царскую руку», обусловили включение «Кабардинской земли» в заключительную часть царского титула.

Вхождение же в царский титул Иверской и Кабардинской земель одновременно и как бы в едином тандеме было predetermined не только их географической близостью (ещё раз напомним, что путь в Закавказье лежал через Кабарду) и практически синхронными связями с ними (ещё в 1557 г. кабардинские князья сообщали, что с ними «в одной правде и в заговоре иверской князь и вся земля Иверскаа», а в конце 1580-х гг. русско-кабардинские и русско-кахетинские контакты были тесно взаимообусловлены).

Такой титульный тандем со всей определённой отражал и схожий политический статус этих государств по отношению к России – вассалитет носивший формальный характер, с условием военной помощи и защиты от внешних врагов.

§ 5. Дополнение кавказской части титула карталинским «компонентом»

В начале XVII в. «кавказский компонент» в грузинской его частиполнился ещё одним территориальным определением. Это дополнение было связано не только с признанием вассалитета со стороны ещё одного грузинского правителя, но и с матримониальной политикой Бориса Годунова. Сходный характер самих отношений России с Кахетией и Кабардой в XVI в. проявлялся и в восприятии владетельных родов этих стран как обладающих очевидным *династическим статусом*.

В этом плане попытка Годунова породниться с грузинской династией Багратионов как бы воспроизводила ситуацию со вторым браком Ивана

Грозного – в обоих случаях речь шла о стремлении укрепить собственный статус в качестве *царя* Московского государства, и, подобно истории с «черкасским» браком Грозного, взоры Бориса Годунова устремились на Кавказ после того, как рухнули матримониальные планы относительно шведской и датской династий. Новой царской династии Годуновых династический брак был необходим для определённой международной легитимации и повышения собственного престижа (напомним, что и политика Годунова в целом до некоторой степени ориентировалась на европейские образцы), а обращение к Грузии обуславливалось, во-первых, общностью православной веры, во-вторых, возможно, царским статусом грузинских владетелей и, в-третьих, конечно же, вполне резонным ожиданием того, что династия, признавшая свой вассалитет, гораздо охотнее согласится породниться с семьёй своего сюзерена, нежели династии независимых государств.

Эти тайные планы были одной из задач посольства думного дворянина Михаила Игнатьевича Татищева и дьяка Андрея Иванова, отправленного в Грузию 6 мая 1604 г.¹⁷³ К этому времени отношения с Кахетией стали менее благожелательными. Русское посольство Ивана Афанасьевича Нащокина и подьячего Леонтьева (1601–1603 гг.), хотя и привело к крестоцеловальной записи нового кахетинского царя Давида I, по сути свергнувшего с престола своего отца Александра, но процарствовавшего всего полгода, вернулось с твёрдой уверенностью в проперсидской ориентации кахетинской политики.

Несмотря на то, что приехавшие с русским посольством кахетинские послы постарались уверить русское правительство в обратном (они и предложили Годунову возможные матримониальные кандидатуры из грузинских правящих династий), и в 1604 г. была послана очередная русская рать против шамхала (которая так и не дождалась «иверской» помощи), политические обстоятельства вскоре окончательно уничтожили и без того призрачный русский протекторат над Кахетинским царством. Во время пребывания посольства Татищева в Кахетии там произошёл государственный переворот: сын Александра II, принявший в Персии ислам Константин, убил своих отца и брата, после чего стал новым кахетинским государем. Несмотря на требования русского посольства, на верность нового царя России рассчитывать не приходилось. «Тайная» цель посольства в Кахетии также не была достигнута: потенциальный жених царевны Ксении Борисовны царевич Теймураз (будущий кахетинский царь) находился в качестве заложника при дворе персидского шаха.

Далее русские послы отправились в Карталинское царство и в апреле 1605 г. прибыли ко двору карталинского царя Георгия X (также принадлежавшего к роду Багратионов). Здесь выяснилось, что, по словам Георгия, «царь Александр – государь в своей земле, а яз владею своею землею. А в Ыверской земле начальной царь яз, а не Александро»¹⁷⁴. В своей грамоте к Борису Годунову ещё от ноября 1604 г., посланной Татищеву, Георгий X титуловал себя как «царь Юрьи Карталинской и всея Иверии»¹⁷⁵.

На этот раз миссия русского посольства оказалась более успешной. Послы «говорили речь против государева наказу..., чтоб Юрьи царь со всею своею Карталинскою землею был под государевою рукою...». «А поминки от царя Бориса Федоровича и царевича Федора Борисовича несли послы для государева дела те, что послано было к Олександру царю, потому что в Ыверской во всей земле начальной в царях Карталинской Юрьи царь, а от

государей Московских послы к нему впервые, а се для великого дела...». Георгий X ответил согласием: «хочю быть в его государеве жалование: голова моя и дети мои и все мое государство Божье да его государево; а в том моя вина перед государем, что по ся места яз великому государю бить челом не посылавал»¹⁷⁶.

Разумеется, условием подданства вновь была военная помощь против недругов – «турского» султана и «кизылбашского» (персидского) шаха. Кроме этого, послы не забыли и о «тайном деле». Потенциальным женихом царевны Ксении Борисовны определили племянника Георгия X, царевича Хоздроя Вахтанговича (23-х лет), а невестой царевича Фёдора Борисовича – дочь Георгия, царевну Елену (Гулчар).

Хотя русские послы просили карталинского правителя отпустить дочь вместе с ними в Москву, царь в вежливой форме отказался, сославшись на то, что это лишь первое посольство из России, и на юный возраст царевны (ей было тогда всего 9 лет). Тем не менее принципиальное согласие было получено, и 10 мая 1605 г. царь Георгий дал крестоцеловальную запись в том, что хочет «быть под великого государя его царского величества рукою со всею моею Карталинскою землею во веки неотступен» и надеется «на царского величества милость, что меня своим государевым жалованием не оставит и недругом моим меня не подаст». «И буду яз, царь Юрьи, со всею землею Кортлинскую под его царскою высокою рукою неотступен»¹⁷⁷.

11 мая русское посольство уехало из Картли, а вернулось в Москву 12 ноября 1605 г., где было принято уже новым русским царём «Дмитрием Ивановичем» (Лжедмитрием I)¹⁷⁸. С этого времени кавказская часть царского титула приобрела следующий вид: «государь Иверские земли *Карталинские* и Грузинских царей и Кабардинские земли Черкасских и Горских князей».

История формирования кавказской титульной части показывает, что, в первых, царский титул очень *чётко* и довольно *оперативно* «реагировал» на пополнение новых земель, подвластных московскому государю (поводом для расширения титула зачастую служили дипломатические связи с европейскими государствами и прежде всего со Священной Римской Империей), а во-вторых, что он весьма *точно отражал сложившуюся реальность*, не допуская притязаний, не подкреплённых какими-то реальными шагами, расширявшими географические пределы власти русских царей.

Рассмотрение истории других титульных объектов подтверждает данный вывод. Иными словами, в русском царском титуле практически отсутствовали территориальные объекты чистого *притязания*, хотя и существовали титульные объекты *воспоминания*.

§ 6. Кавказские объекты в различных вариантах царского титула. Их внутреннее единство

В таком виде кавказская часть царского/императорского титула оставалась неизменной вплоть до начала XIX в.¹⁷⁹ Однако сам титул имел разные варианты в зависимости от характера документа и адресата той грамоты, в которой он употреблялся. Полностью титул писался в грамотах европейским государям (среди которых первое место занимал, естественно, император Священной Римской Империи («цесарь Римский»)), а в грамотах восточным правителям (турецкому султану и персидскому шаху) концовка титула опускалась.

Разъяснению этого вопроса посвящён отдельный пункт известного труда подьячего Г.К. Котошихина о России в царствование Алексея Михайловича, написанного в 1667 г.:

«Вопрос: Для чего царь московский пишется в христианские государства полными болшими титулами (от «повелителя»), «государем Иверские земли карталинских и грузинских царей и Кабардинские земли черкасских и горских князей, и иным многим государствам и землям, восточным и западным и северным, отчием и дедичем, и наследником, и государем, и обладателем»; а в бусурманские государства теми титулами не пишется. Что есть тому причина? Ответ: Иверское, Карталинской, Грузинское государства лежат под властью и наболшим послушеством под персидским шахом; а в ыные государства пишется он, царь, для славы своей, нипочему, а ис тех государств обычай писатися у царю себя низити, а его высити и называтися холопми его..., и они по тем их униженным письмам разумеют, бутто и правда тому есть, что они вечные подданные; а то несть правда, потому что тех государств владетели живут таким обычаем, как меж границ королевского величества и короля полского и царя московского живет курлянской князь... Кабардинская земля, черкасские и горские князья под его подданством, однако ему титул без других титул писать к персидскому шаху некстати. А как бы он писался теми титулами всеми, что пишется в христианские государства, и на него б за то все бусурманские государства подняли войну. А тех бы государей, которые из тех государств пишутца к нему холопами, ежели б проведаль подлинно персидской шах, велел бы их и государства их разорити и погубити совсем. И от того теми титулам не пишется к ним, бусурманским государем»¹⁸⁰.

Сообщение Котошихина носит принципиально важный характер, во-первых, потому, что он различает реальное положение дел в отношении России с грузинскими царствами, с одной стороны, и кабардинскими князьями, с другой. А во-вторых, он чётко указывает на своего рода «неразделённость», внутреннее единство кавказской части титула: «однако ему титул без других титул писать к персидскому шаху некстати», т.е. писаться государем только «Кабардинские земли Черкасских и Горских князей» без «иверской» части было невозможно — или следовало писать кавказскую часть полностью или не писать вообще.

Таким образом, кавказский «атрибут» в царском титуле воспринимался как неразрывное целое (что предопределило отсутствие кабардинских объектов в царском титуле в грамотах восточным монархам).

§ 7. Семантическая трансформация кавказской части титула. Эмблемы кавказских земель в «Титулярнике» и их семантика

В то же время, ко второй половине XVII в. явственно наметилась тенденция нового понимания кавказской части титула. Перечисляемые в ней территориальные объекты воспринимались не как общие определения частного (карталинских и грузинских царей Иверской земли, черкасских и горских князей Кабардинской земли), а как вполне самостоятельные наименования (до некоторой степени синонимичные).

Таким образом «Иверская земля» как бы семантически отделилась от «Карталинских и Грузинских царей», а «Кабардинская земля» — от «Черкасских и Горских князей». Произошла своего рода смысловая перегруппировка и

вместо четырёх наименований (карталинские, грузинские цари, черкасские и горские князья) кавказская часть титула стала включать в восприятии современников также четыре объекта, но в другой систематизации. А ранее различавшиеся объекты, наоборот, сблизились друг с другом и стали восприниматься почти как синонимы (карталинские цари = грузинские цари, черкасские князья = горские князья).

В полной мере такое изменение проявилось в эмблемах «Титулярника». Здесь кавказская часть титула представлена четырьмя эмблемами:

«Государь Иверские земли» — вулкан, пронзённый двумя перекрещенными и направленными остриями вверх стрелами;

«Карталинских и Грузинских царей» — Св. Георгий Победоносец на коне, поражающий копьём дракона;

«Кабардинские земли» — щиток с полумесяцем, обращённым вправо (влево от зрителя), за ним две перекрещенные стрелы остриями вверх, между ними три шестиконечные звезды (с длинными и острыми концами) (Рис. 10.);

Рис. 10. Герб «Кабардинские земли» из «Титулярника» 1672 г.

«Черкасских и Горских князей» — всадник в бурке, скачущий вправо (влево от зрителя) и держащий на правом плече копьё, направленное против движения коня (Рис. 11)¹⁸¹.

От конца XVII в. сохранилось небольшое произведение — «Описание гербам», которое, по мысли его публикатора, О.А. Белобровой, представляло собой нормативный документ для художников, рисовавших гербы «Титулярника»¹⁸². Этот памятник содержит словесное описание эмблем «Титулярника», благодаря чему мы можем узнать, как понимали ту или иную эмблему современники. Вот как описаны в этом тексте кавказские эмблемы:

«Иверские земли. Две стрелы накрест, вверх копии, наверху огонь.

Карталинский и Грузински. Святой мученик Георгий на коне, под ногами у коня челюсти змию колет.

Кабардинские земли. Две стрелы, посреди их луна, наверху и по сторонам 3 звезды.

Черкасских и горских князей. Человек на коне в татарском платье с копьем»¹⁸³.

Рис. 11. Герб «Черкасских и горских князей» из «Титулярника» 1672 г.

Из этого текста очевидно, что некоторые элементы гербов описаны не точно, а значит, возможно, не имели столь принципиального значения. В описании эмблемы «Иверской земли» упомянута лишь верхняя часть вулкана – огонь, а в описании эмблемы «Кабардинской земли» не упомянут щиток, в котором собственно и расположено изображение «луны» (сейчас мы бы сказали – полумесяца).

Проанализируем кавказские эмблемы более детально. Чем объяснить появление таких изображений? Их четырёх кавказских эмблем очевидный характер носит лишь изображение Георгия Победоносца – древняя эмблема Грузии, святым покровителем которой он считается. Каковы были основания для создания остальных эмблем, неясно. Однако, если рассматривать все четыре эмблемы в некоем комплексе, а не изолированно друг от друга, можно заметить, что они чётко разбиваются на две композиционно схожих пары.

В самом деле, эмблемы Иверской и Кабардинской земель композиционно очень близки друг другу. И там, и там присутствуют перекрещенные стрелы, направленные остриями вверх, на перекрестии помещена центральная эмблема: в иверском гербе – вулкан с огнём, в кабардинском – щиток с луной. Луна в кабардинском гербе сопровождается звёздами.

Точно так же схожи эмблемы «Карталинских и Грузинских царей» и «Черкасских и Горских князей». И там, и там мы видим всадника, вооружённого копьём. Только в карталинском гербе – это Георгий Победоносец, убивающий копьём дракона, а в черкасском – скачущий всадник, который держит копье на плече.

Такие соотношения заставляют думать, что кавказские эмблемы с самого начала создавались как единый комплекс по образу и подобию друг друга. При этом, по всей видимости, карталинский герб стал прототипом черкасского, а не наоборот. Относительно иверского и кабардинского гербов такой уверенности нет. Кабардинская эмблема вообще отличается подчеркнуто геральдизированным характером. Примечательно наличие в ней центрального щитка (с полумесяцем), имеющего чисто геральдическую форму. Полагаю, что прототип этой эмблемы можно обнаружить в том же «Титулярнике».

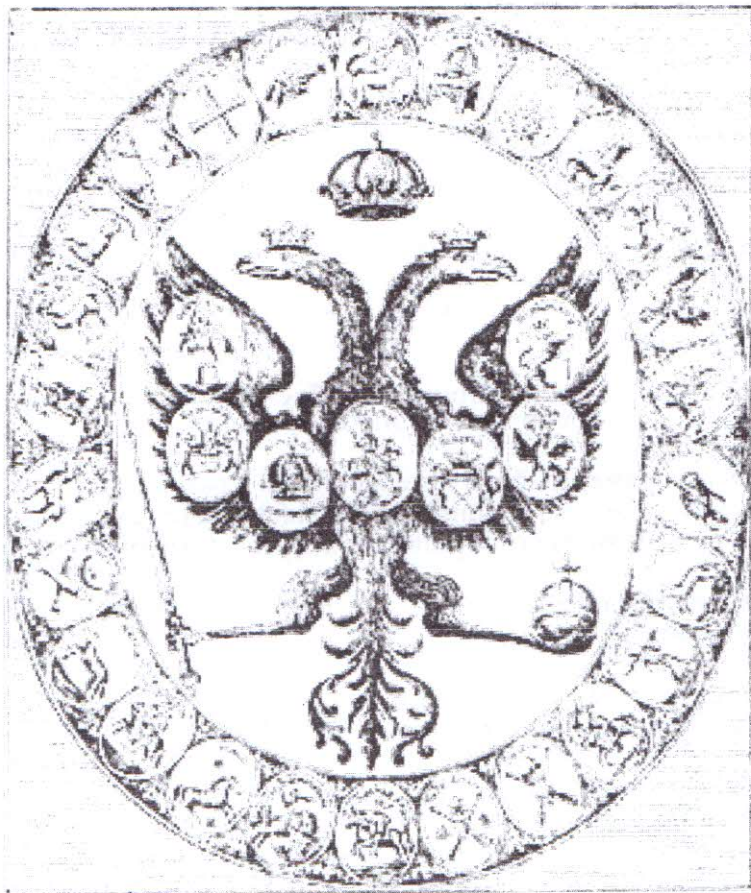

Рис. 12. Рисунок Государственной печати из «Дневника путешествия в Московию» И.-Г. Корба.

Если рассмотреть все гербы «Титулярника» в целом, как более-менее единый комплекс, то можно обнаружить схожую эмблему среди гербов иностранных государств. Это герб «турского салтана» (т.е. турецкого султана). В «Описании гербам» он обозначен следующим образом: «В красном поле полмесеца да звезда»¹⁸⁴. На рисунке «Титулярника» изображён геральдический щиток, в котором помещены полумесяц, обращённый рогами влево (вправо от зрителя) и восьмиконечная звезда. Сходство геральдических щитков и основных эмблем заставляет думать, что прообразом для кабар-

динского герба послужил турецкий. Основанием для этого было то, что Кабарда, как и Турция, относилась к исламскому миру. А так как она обладала большой самостоятельностью (а не была включена в состав собственно Русского государства, подобно территориям бывших ордынских ханств), то по сути представляла собой единственную мусульманскую землю, находившуюся под верховной эгидой русских царей. Это и было отражено в её гербе.

Перекрышенные же стрелы, направленные остриями вверх, в сочетании со звёздами известны в качестве эмблем в адыгской символике (правда, в более позднее время) — они присутствуют на черкесских знамёнах первой половины XIX в.¹⁸⁵ Возможно, эти эмблемы бытовали и раньше, в том числе и в роде князей Черкасских, представители которого в какой-то степени могли оказать влияние на создание кабардинской эмблемы «Титулярника»¹⁸⁶.

Кавказские эмблемы изображены также на рисунке русской государственной печати (неизвестно, существовавшей ли в реальности), помещённом в издании «Дневника путешествия в Московию» секретаря австрийского посла Иоганна-Георга Корба, посетившего Россию в 1698–1699 гг. (первая публикация книги осуществлена на латинском языке в Вене в 1700 г.). Здесь на крыльях двуглавого орла и по окружности печати размещены 33 территориальные эмблемы из «Титулярника», переданные довольно точно (Рис. 12). Из кавказских гербов лишь в гербе Иверии вулкан в интерпретации Корба выглядит как какой-то неопределённый предмет с плюмажем из трёх перьев¹⁸⁷.

§ 8. Геральдические вирши на эмблемы «Титулярника»: восприятие и интерпретации

Интересный пример широты интерпретаций и разницы в понимании эмблем в культуре барокко демонстрируют вирши, написанные на гербы «Титулярника» и сохранившиеся в шведской рукописи в библиотеке города Вестероса.

Эта рукопись представляет собой сборник текстов, скопированных из разных источников по указанию шведского дипломата Й.Г. Спарвенфельда, который побывал в Москве в 1684–1687 гг. Несколько страниц этого сборника занимают двадцать геральдических стихотворений — они были опубликованы и изучены шведским славистом Нильсом Оке Нильссоном ещё в 1964 г., но остались совершенно вне поля зрения отечественных геральдистов, несмотря на то, что теперь размещены в сети Интернет исследователем старобелорусской литературы О.В. Лицкевичем¹⁸⁸.

Автор этих стихотворений неизвестен, но, судя по тексту, он происходил из украинских или белорусских земель Великого княжества Литовского. По мнению Н.Нильссона, им мог быть упоминаемый Спарвенфельдом Стахей Иванович Гадзаловский (Годзаловский), шляхтич из Вильно, оказавшийся в Москве, вероятно, во время войны с Речью Посполитой за Левобережную Украину и затем служивший переводчиком в Посольском приказе. Авторство Симеона Полоцкого Нильссон отрицает. Во всяком случае вирши полностью вписываются в ту традицию геральдической поэзии, которая была столь заметна в славянских культурах Великого княжества Литовского и через их посредство появилась в Московском государстве.

Судя по датировке рукописи, вирши могли быть написаны в конце 1670-х — начале 1680-х гг., т.е. вскоре после того как был составлен «Титулярник», но вряд ли в ближайшее время после его составления

(об этом свидетельствуют некоторые ошибочные «атрибуции» гербов, допущенные автором).

Текст виршей сохранился не полностью. Двадцать стихотворений охватывают лишь часть гербов «Титулярника» (всего гербов 33), причём начиная примерно с середины титула. Нильссон следующим образом определил эти гербы: 1. Волынский, 2. Подольский, 3. Пермский, 4. Вятский, 5. Болгарский (при этом в виршах речь идёт не о Волжской, а о Дунайской Болгарии, что неверно), 6. Нижегородский или Ростовский, 7. Черниговский, 8. Полоцкий, 9. Ростовский, 10. Ярославский, 11. Белоозерский, 12. Удорский и Обдорский, 13. Неизвестно какой, 14. Кондинский, 15. Витебский, Мстиславский или Северной страны, 16. Карталинский, 17. Грузинский, 18. Кабардинский, 19. Черкасский, 20. Югорский (который должен был бы следовать после Подольского и до Пермского).

Мне представляется, что вирши соответствуют следующим гербам: 1. Волынский, 2. Подольский, 3. Пермский, 4. Вятский, 5. Болгарский, 6. Нижегородский, 7. Черниговский, 8. Рязанский, 9. Ростовский, 10. Ярославский, 11. Белоозерский, 12. Удорский, 13. Обдорский, 14. Кондинский, 15. Северной страны, 16. Карталинский, 17. Грузинский, 18. Кабардинский, 19. Черкасский, 20. Югорский. Таким образом, гербы бывших земель Великого княжества Литовского (Полоцкий, Витебский, Мстиславский), вероятно, не были описаны автором в виршах, что лишний раз, по всей видимости, подтверждает его происхождение (автор, возможно, не считал обоснованной принадлежность этих территорий Московскому государству).

Любопытно также и то, что герб Иверской земли (вулкан, названный в виршах «горой») описывается как герб Карталинский, а изображение Святого Георгия – как герб Грузинский. Болгарский герб, как уже говорилось, атрибутируется неверно – автор указывает на его принадлежность Дунайской Болгарии (возможно, такое понимание уже и было во второй половине XVII в.), хотя на самом деле имелись в виду земли Болгарии Волжской, причём зверь болгарского герба в виршах назван агнцем (как и в «Описании гербам»), а на рисунке из «Титулярника» 1672 г. он выглядит скорее как хищник. Неверно автор понял и наименование «Черкасский», о чём речь впереди.

Всё это показывает, что соотношение «Титулярника» и виршей гораздо сложнее, чем кажется на первый взгляд. Поэтому и можно думать, что вирши были написаны лишь спустя какое-то время после создания «Титулярника», а не сразу вслед ему.

Кабардинский герб в виршах интерпретируется так:

«Сыска[ѣ] бы сил[ѣ]наго от древнего вѣка,
дабы хто луны дострелил здравних ч[ѣ]л[о]в[ѣ]ка.
На втором н[ѣ]бѣ луна зодиакъ обходит,
до третего же н[ѣ]б[ѣ]си токмо Павелъ всходит». (Ѣ передаёт букву «ять»).

Далее следует «Аллегория»:

«Кабардина преславна, что луны шукаешь,
се с[о]лнце пресвѣтлое российское маешь.
Сотворывый н[ѣ]б[ѣ]са на землѣ чынь справил,
законодавца миру своего уставилъ». (шукаешь – ищешь, маешь – имеешь).

Затем «Анаграмма»:

«Луна церков[ь] знаменуе[т]ь, Хр[и]стом просв[е]щенна,
солнцу Хр[и]сту предстоит свѣтло украшенна.
Тоже ч[е]л[о]в[ѣ]къ якъ м[ѣся]цъ, бо ся измѣняет,
Б[о]гъ токмо просвѣщен во вѣкъ пребывает».
(*бо ся изменяет* – ибо изменяется).

И, наконец, «Аналогиум»:

«В се[д]мом н[е]бѣ эмпирейскомъ Б[о]гъ престол свой мае[т].
Ваша стрѣла летит к Б[о]гу бо луну минает.
Что ти е[с]ть на н[е]б[е]си Б[о]гъ вездесый бывает,
кто его на земле пр[и]сно призывает».
(*вездесый* – вездесущий, *присно* – всегда).

Что прежде всего обращает на себя внимание при анализе виршей, это чисто христианская интерпретация эмблематики (по существу мусульманской), которая естественна для их автора.

Главными символами для стихотворца выступают луна и стрела, при этом стрела летит в небо, пытаясь достичь луны: первая часть текста – найти бы такого человека, какие были в древности, кто мог бы дострелить до луны, движущейся по «второму небу»; до «третьего» же неба мог вознестись только апостол Павел (который согласно апокрифическому «Апокалипсису Павла» («Слову о видении апостола Павла», или «Хождению апостола Павла по мукам» в славянской традиции) посетил рай и ад¹⁸⁹).

В «Аллегории» луна сопоставляется с солнцем, и автор, обращаясь к «преславной» Кабарде, риторически восклицает: «зачем ты ищешь луны, когда имеешь пресветлое российское солнце».

В третьей части луна соотносится с церковью, а солнце – с Христом, который «просвещает» луну (луна светит отражённым светом солнца), человек же сопоставляется с изменчивым месяцем.

В четвёртой части кабардинская стрела уже летит мимо луны к Богу, который находится в седьмом, «эмпирейском» небе.

Таким образом, очевидно не просто интерпретация символики герба в христианском ключе, но и как бы христианская *ориентированность* этих трактовок применительно к мусульманской Кабарде (о вере кабардинцев автор, вероятно, знал). Итак, перед нами интересный пример понимания символики, связанной с одной религией, в контексте другой, как и вообще пример понимания геральдических эмблем в определённом смысле (характерном, конечно, для данного, конкретного автора, хотя, возможно, и бытовавшем в каком-то культурном кругу).

Если кабардинский герб – именно как обозначающий совершенно определённую землю – автор понимал верно, то герб «Черкасских и Горских князей» он атрибутировал ошибочно. Дело в том, что «черкасами» в русских источниках XVI–XVII вв. именовались не только собственно адыгские племена, но также и украинские казаки, и это, второе понимание автору виршей (уроженцу Великого княжества Литовского) было, разумеется, ближе. Так он и проинтерпретировал Черкасский герб:

«Впрямь людей рыцерских старовѣчность знала,
которым достоинства гербы раздавала,
черкашким боготырем ошѣпъ з с[е]рдцем охотнымъ,

в полю з розпущоним конем, в бою оборотным».
(*ощеп* – пехотинское малое копье, по-русски *сулица*).

Аллегория:

«Часто бой черкасы з ро[з]ними зводили,
таких же и отраслей сынов породили.
Не хибят и потомки предков своих сл[а]вы,
всему миру явны суть отважные sprawy».
(*хибят* – колеблют, *спrawy* – дела).

Анаграмма:

«Здравствуй, вЪчно в славЪ славные черкасы,
з врагом кр[е]ста Х[ри]с[то]ва ходЪте в запасы.
Копия вамъ не скрушат и конь не устанеть,
от Б[о]га помощь будет и вЪку достанеть».

Аналогиум:

«Породы мужественной лице из[ъ]являет,
бо воин не ужасним с[е]рдцемъ потыкаетъ.
Савроматов валечных сл[а]ва будет слыти,
поки дванадесяторЪчна Волга будет плыти».
(*валечных* – отважных, *дванадесяторечна* – двенадцатиречная).

Сопоставление черкасов с савроматами, древними племенами, кочевавшими в задонских, поволжских и приуральских степях, и упоминание о войнах черкасов с врагами «креста Христова», т.е. с мусульманскими странами – Крымским ханством и Османской империей, ясно свидетельствуют о том, что эти вирши относятся именно к украинским казакам (хотя могли бы быть применимы и к «черкасам» Северного Кавказа).

Глава 4

Эволюция адыгской символики в русской государственной геральдике. Конец XVIII – начало XX века

§ 1. Кабардинские эмблемы в родовом гербе князей Черкасских. Его структура и семантика

Официальное утверждение герба потомков кабардинских князей, Черкасских, состоялось при Павле I, когда создавались первые тома «Общего Гербовника дворянских родов Всероссийской Империи». В апреле–мае 1798 г. несколько представителей рода князей Черкасских обратились с прошением на Высочайшее имя и с письмом к обер-прокурору 3-го Департамента Сената О.П. Козодавлеву, на которого было возложено составление «Общего Гербовника», с просьбой внести их герб в число *княжеских* гербов Российской Империи¹⁹⁰. При этом они представили описание и рисунок своего родового герба, изображение которого и было впоследствии утверждено. Щит герба разделён на пять частей.

В первой части (верхней правой) – «в красном поле скачущий черкас на белом коне с золотой сбруей, в золотой епанче и с копьем на плече из того же металла означает воинские издревле подвиги князей Черкасских» (в описании утверждённого герба указано, что на всаднике княжеская шапка с пером). Так к тому времени выглядел титульный герб «Черкасских и Горских князей».

Во второй части (верхней левой) – «в голубом поле колчан с серебряным полумесяцем; из-под щита видны две стрелы, крест на крест положенные, в промежутках три звезды того ж металла на память, что князья Черкасские были владетелями Кабардинской земли». Это титульный герб «Кабардинские земли», центральный щиток которого понят как «колчан» (в описании утверждённого герба центральная фигура названа щитом красного цвета, на рисунке герба это действительно боевой щит изогнутой формы). Как видим, для первой части своего герба Черкасские взяли титульный герб, *соимённый их фамилии*, а для второй – герб Кабардинский, означающий их владения. Так северокавказские титульные гербы вошли в родовой герб князей Черкасских.

Любопытны третья и четвёртая части герба. В третьей части (нижней правой) «в серебряном поле лев, из лука стреляющий, объясняет преимущественное искусство черкас в пускании стрел и храбрость предводительствовавших ими князей их». Внешний вид этой эмблемы весьма своеобразен (в описании утверждённого герба лев «натурального цвета»). В четвёртой части (нижней левой) ещё более загадочная фигура – «в золотом поле две сплетшиеся между собой змеи головами вверх, приняты в герб по-

тому, что сие изображение в Египте употребляемое, служило всегда клеймом для горских народов» (в описании утверждённого герба змеи обозначены как два *змия* (мужской род) «натурального цвета», на рисунке герба концы змеиных хвостов изображены в виде стрел).

Речь идёт о предке князей Черкасских – Инале («Инал-мурза»), который якобы в середине XV в. был султаном в Египте. О том же султанском происхождении свидетельствовала и помещённая «над щитом украшенная драгоценными камнями корона, имеющая вид чалмы с сизым пером».

Относительно короны в виде чалмы можно отметить, что аналогичные геральдические эмблемы имеются и в некоторых других гербах князей мусульманского происхождения (например, в гербе князей Ширинских-Шихматовых). Это геральдическое изобретение, вне всякого сомнения, восходит к традиционной княжеской короне русской геральдики, идентичной по общей конфигурации, но увенчанной державкой с крестом (в короне в виде чалмы крест заменён на перо).

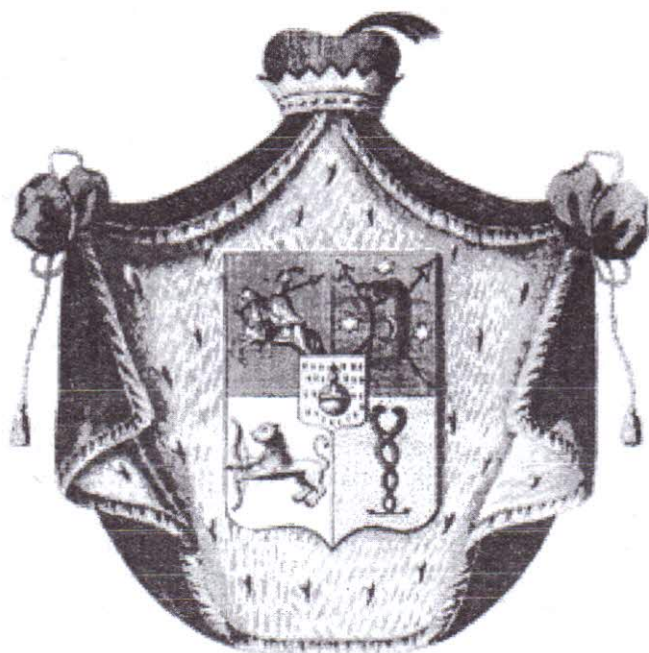
Вообще форма и внешний вид короны-чалмы представляет собой примечательный образец того, как представляли себе восточные инсигнии в европейской и, в частности, русской культуре второй половины XVIII в. Анализ изобразительного материала того времени показывает, что короны восточных правителей обычно изображались в виде чалмы, надетой на корону «архаического» типа (обруч с несколькими одинаковыми остроконечными зубцами). Именно такая структура характерна для княжеской короны герба Черкасских.

Более загадочна фигура четвёртой части герба князей Черкасских. В.Н. Татищев в своей «Истории Российской» сообщает о наличии у русских дворянских родов особых знаков, которые он именует «ясаками», но которые можно называть и «тамгами». Наименования некоторых таких знаков Татищев приводит в своём тексте. Среди других он упоминает и тамгу князей Черкасских – «Кабарда». Исследователь татищевского известия, О.И. Хоруженко предположил, на основании вышеприведённого описания герба Черкасских, где фигура в четвёртой части названа «клеймом для горских народов», что изображение двух перевитых змей и представляет собой геральдизированный вариант родовой тамги Черкасских¹⁹¹. Насколько это так, сказать сложно. Но в любом случае загадочная фигура герба Черкасских требует дальнейшего изучения.

Наконец, центральный щиток княжеского герба занимает изображение золотой державы в горностаевом поле в знак «владельческого происхождения князей Черкасских и брачных союзов их с порфириносным поколением». Примеры таких союзов, о которых настойчиво напоминают Черкасские – это брак Ивана Грозного с Марией Темрюковной и Бориса Камбулатовича Черкасского с Марфой Никитичной Романовой.

Герб князей Черкасских был внесён во вторую часть «Общего Гербовника» (№ 9), утверждённую Павлом I 30 июня 1798 г. (Рис. 13). Вполне возможно, что кабардинская эмблема герба Черкасских повлияла на центральную фигуру в гербах князей Юсуповых (ОГ. III, 2) и Урусовых (ОГ. VI, 1), происходящих от Едигея. В центре гербов этих родов расположен щиток, в красном поле которого помещён полумесяц («луна»), окружённый с четырёх сторон шестиугольными звёздами. При этом в гербе Юсуповых полумесяц и звёзды серебряные, а в гербе Урусовых – золотые.

ГЕРБЪ РОДА КНЯЗЕЙ ЧЕРКАСКИХЪ.

Въ щитѣ раздѣленномъ на четыре части по срединѣ находится малый горностаевый щитокъ съ Державою означенною золотомъ. Въ первой части въ красномъ полѣ Черкасъ въ золотой епанчѣ и въ Книжеской шапкѣ съ перомъ, скачущій на бѣломъ конѣ съ золотой збруею имѣющій на плечѣ золотое копые. Во второй части въ голубомъ полѣ между трехъ шестиугольныхъ Звѣздъ серебряныхъ, изображены крестообразно двѣ серебряныя Стрѣлы, остроконечіемъ вверхъ подъянныя, на которыхъ поставлены щипцы краснаго цвѣта съ серебрянымъ на немъ Полумѣсяцемъ. Въ третьей части въ серебряномъ полѣ натураль-

Рис. 13. Герб князей Черкасскихъ.

наго цвѣта Левъ держащій въ переднихъ лапахъ натянутый лукъ съ стрѣлою. Въ четвертой части въ золотомъ полѣ видны два Змія перпендикулярно перевишіеся натуральнаго цвѣта. Щитъ покрытъ мантиею принадлежащею Княжескому достоинству и шапкою съ перомъ имѣющею видъ чаалмы, кошорая наложена на золотую Корону. Сія шапка съ перомъ изъясляетъ знаменитость родоначальника Черкасскихъ Князей Инала, когорый былъ Султаномъ въ Египтѣ.

Родъ Князей Черкасскихъ происходитъ отъ Инала изъ Черкасской земли, когорой въ древнія времена былъ въ Египтѣ Султаномъ. По завоеваніи Государемъ Царемъ Іоанномъ Васильевичемъ Астрахани, покорились Россійской Державѣ и Черкаскіе Князья. Владѣвшій тогда Князь, правнукъ поминутаго Инала, Темрюкъ Идаровъ, въ знакъ подданства отпраздновалъ въ Государю сына своего Салмана и дщерь Княжну Марію, кошорая по томъ была въ супружествѣ за Царемъ Іоанномъ Васильевичемъ, а Салманъ по крещеніи названъ Княземъ Михаиломъ и пожалованъ въ Боярѣ. Племянникъ родной его Князя Темрюка, Князь Борисъ Камбулановичъ Черкасской былъ Бояриномъ; въ супружествѣ имѣлъ Марю Никишишну Романовыхъ, родную сестру Патріарха Филарета Никишича. Равнымъ образомъ и другіе многіе потомки, Египетскаго Султана Инала Князья Черкаскіе, по восприятіи Христіанской вѣри служили Россійскому Престоу въ Боярахъ и другихъ самыхъ знатнѣйшихъ чинахъ, и отъ Государей жалованы были разными почестями и знаками Монаршихъ милостей, и въ жалованныхъ грамотахъ всегда именованы были Князьями. Все сіе доказывается сверхъ Россійской Исторіи, копіями съ жалованныхъ грамотъ, справкою Архива Коллегіи Иностраннихъ дѣлъ и Родословною Князей Черкасскихъ.

Рис. 13. Герб князей Черкасских (продолжение).

§ 2. Гербы кавказских земель в Манифесте 1800 г. о Полном гербе Империи

К концу XVIII в. в составе кавказских титульных гербов произошли изменения. Показателен в этом отношении Манифест Павла I о Полном (Большом) гербе Всероссийской Империи, утверждённом 16 декабря 1800 г. (этот манифест так и не вступил в силу) (Рис. 14)¹⁹².

Кавказская часть императорского титула выглядит в нём следующим образом: «Государь Иверския земли, Карталинских и Грузинских Царей и Кабардинския земли, Черкасских и Горских Князей и иных Наследный Государь и Обладатель» (л. 2). Концовка этой части объектного титула появилась в результате трансформации предшествующей традиции титулования. Во второй половине XVII в. царский титул после перечисления кавказских объектов заканчивался так: «и иным многим государствам и землям, восточным и западным и северным, отчич и дедич, и наследник, и государь, и обладаатель»¹⁹³. После того, как эти обобщённые географические ориентиры из титула исчезли, произошло его «стяжение» и в результате получилось: «и иных наследный государь и обладаатель». Кавказских же титульных гербов стало уже не четыре, а пять. Теперь разделилось на две части наименование «Карталинских и Грузинских царей». Вот каковы описания гербов кавказских земель в манифесте 1800 г. (Рис. 15 и 16):

«28. **Иверский.** Серебряной конь скачущий в алом поле, а над конем находятся две золотыя звезды о пяти зубцах.

29. **Карталинский.** Зеленая огнедышущая гора с двумя черными стрелами пущенными сквозь гору и пресекающая одна другую имея острия концы в верх обращенныя, в золотом поле.

30. **Грузинский.** Победоносец Святый Георгий на темногнедом коне, поражая дракона, в золотом поле.

31. **Кабардинский.** В голубом поле изображен алой азиатской оборотной щит, на котором находится серебряная луна, позади онаго видны две железныя стрелы, пресекающая одна другую и имея острия концы в верх обращенныя, а на верхних концах оных приделаны белыя перья, между стрелами находятся три пятиугольныя серебряныя звезды.

32. **Черкасский.** В алом поле изображен черкасской всадник в скачке, имеющий на правом плече дротик, одежда его золотая, а конь белой».

Здесь бывший Иверский герб стал Карталинским, а общий «Карталинских и Грузинских царей» – только Грузинским. В качестве же Иверского герба стал использоваться герб «Северной страны» (это название предшествовало кавказской части титула) – таинственного объекта, появившегося в царском титуле ещё в середине XVI в. и оставшегося в нём до конца. Когда-то этот объект имел, вероятно, вполне определённое значение, хотя и менявшееся со временем, во всяком случае, во второй половине XVII в., когда создавался «Титулярник», «Северная страна» воспринималась как вполне самостоятельный, значимый элемент титула и потому ей была присвоена определённая эмблема (конь с двумя звёздами). К концу же XVIII в. смысловое значение «Северной страны» совершенно забылось, это название воспринималось не как обозначение какого-то конкретного географического объекта, а как своеобразный титульный оборот. Поэтому обозначать «Северную страну» отдельным гербом казалось нецелесообразным. Однако, чтобы не нарушать сложившийся порядок титульных гербов, бывший герб «Северной страны» присвоили следующей за ней «Иверской земле», а соответственно Иверский герб передвинулся ещё дальше и стал Карталинским.

Так в государственном гербе возникла геральдическая тавтология. Самостоятельные гербы были и у Иверии, и у Карталинии, и у Грузии, хотя названия Грузия и Иверия по существу являлись синонимами, а Карталиния

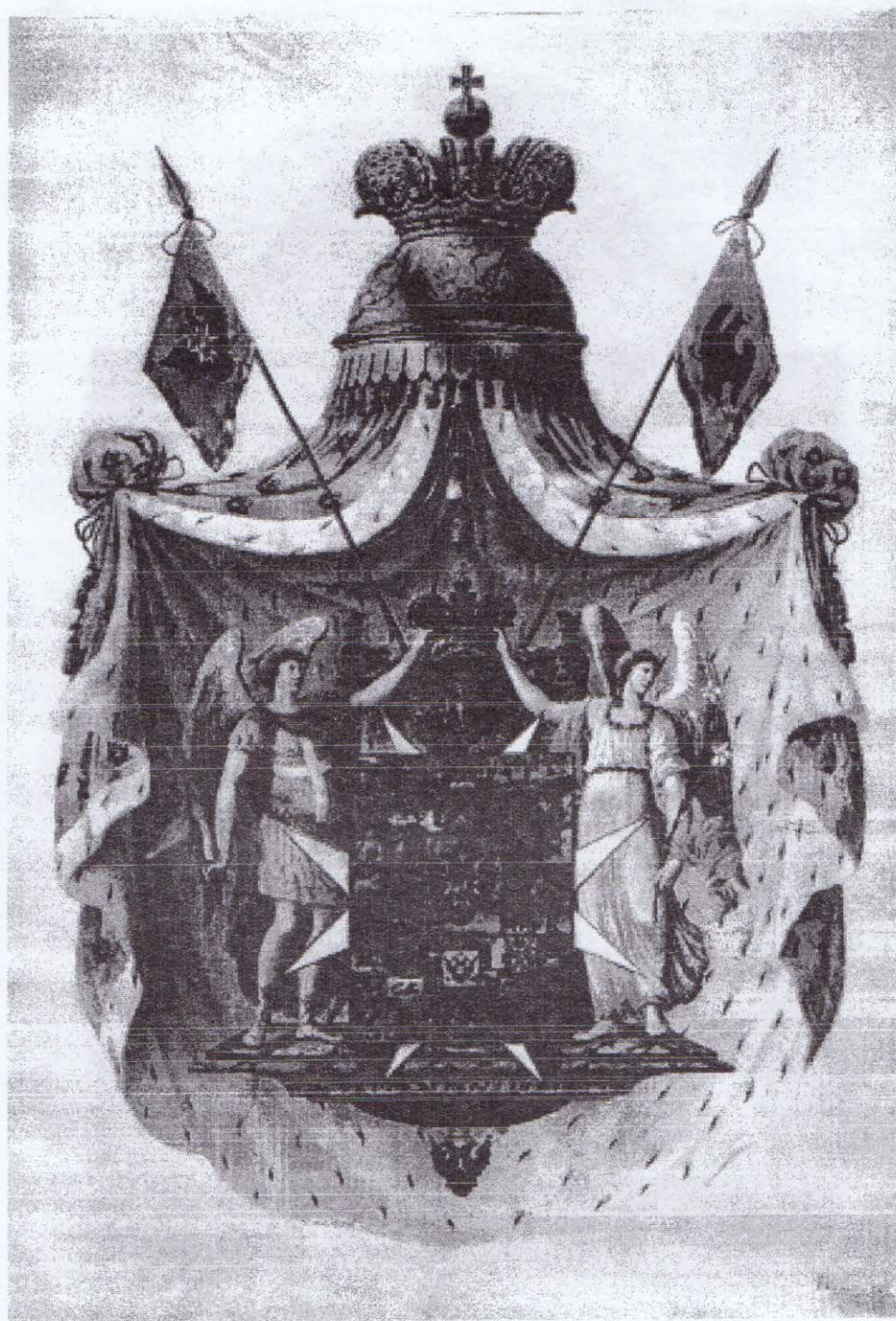

Рис. 14. Полный (Большой) герб Всероссийской империи (Манифест 1800 г.).

Рис. 15. Гербы Иверский, Карталинский, Грузинский и Кабардинский (Манифест 1800 г.).

воспринималась частью той же Грузии (Иверии). Такую эволюцию прошли эти наименования, когда-то обозначавшие Кахетинское («Грузинское») и Карталинское царства «Иверской земли».

Схожую эволюцию претерпел и кабардинский титульный элемент, для эмблематического обозначения которого ещё в конце XVII в. возникли два самостоятельных – Кабардинский и Черкасский – герба.

В павловском манифесте эти гербы имеют некоторые новые особенности. Геральдический щиток в Кабардинском гербе обозначен не как «колчан» (такое понимание встречается, как помним, в описании проекта герба князей Черкасских, поданного на Высочайшее утверждение) и не как собственно геральдический щиток (каковым он был изображён в «Титулярнике»), а как «алый азиатский оборонительный щит» с соответствующей изогнутой формой (такой же, как и на рисунке утверждённого герба князей Черкасских). Звёзды вокруг щита стали не шести, а пятиконечными (так же, как и в Иверском гербе, бывшем Северной страны – в «Титулярнике» в этом гербе звёзды были восьмиконечными и расположенными по-другому). Пятиконечные звёзды вообще в этот период были чрезвычайно популярными в европейской эмблематике благодаря стилю ампир и культуре наполеоновской эпохи. Вероятно, в этом контексте и следует понимать наличие пятиконечных звёзд в российских титульных гербах. В Черкасском же гербе копьё в руке всадника названо «дротиком».

В общей композиции Полного герба Всероссийской Империи кавказские титульные гербы занимают соответствующие части в главном щите герба – в нижнем ряду, следуя по порядку после герба Мстиславского и перед гербом Еверским.

§ 3. Изменения кавказской части титула в первой половине XIX в. Кабардинские гербы в Большом государственном гербе Империи 1857 и 1882 гг.

Вскоре после создания Полного герба империи Грузия была присоединена к России на правах губернии. С этого времени в императорском титуле появилось наименование «Царь Грузинский». Оно заняло место в начальной части титула, завершая перечисление «царств» (после слов «Царь Херсониса Таврического»). Ещё позднее, после взятия Эривани и присоединения Армении (1828 г.) кавказская часть титула изменилась ещё раз. В конечном итоге она звучала следующим образом: «Государь Иверския, Карталинския и Кабардинския земли и области Арменския; Черкасских и Горских Князей и иных Наследный Государь и Обладатель». «Карталиния», таким образом, стала, наряду с Иверией, отдельной «землёй», а кабардинский элемент оказался и вовсе разделённым на двое словами «области Арменския».

Понимание связи «Черкасских и Горских Князей» с «Кабардинской землёй», вероятно, исчезло вовсе, во всяком случае, кавказская часть перегруппировалась следующим образом: сначала шли наименования «земель» и «областей» (т.е. территориальные обозначения), а потом – правителей («князей»), по отношению к которым российский император выступал в качестве «наследного государя и обладателя».

В 1857 и в 1882–1883 гг. были утверждены новые государственные гербы Российской империи (Рис. 17 и 18). В Большом государственном гербе 1857

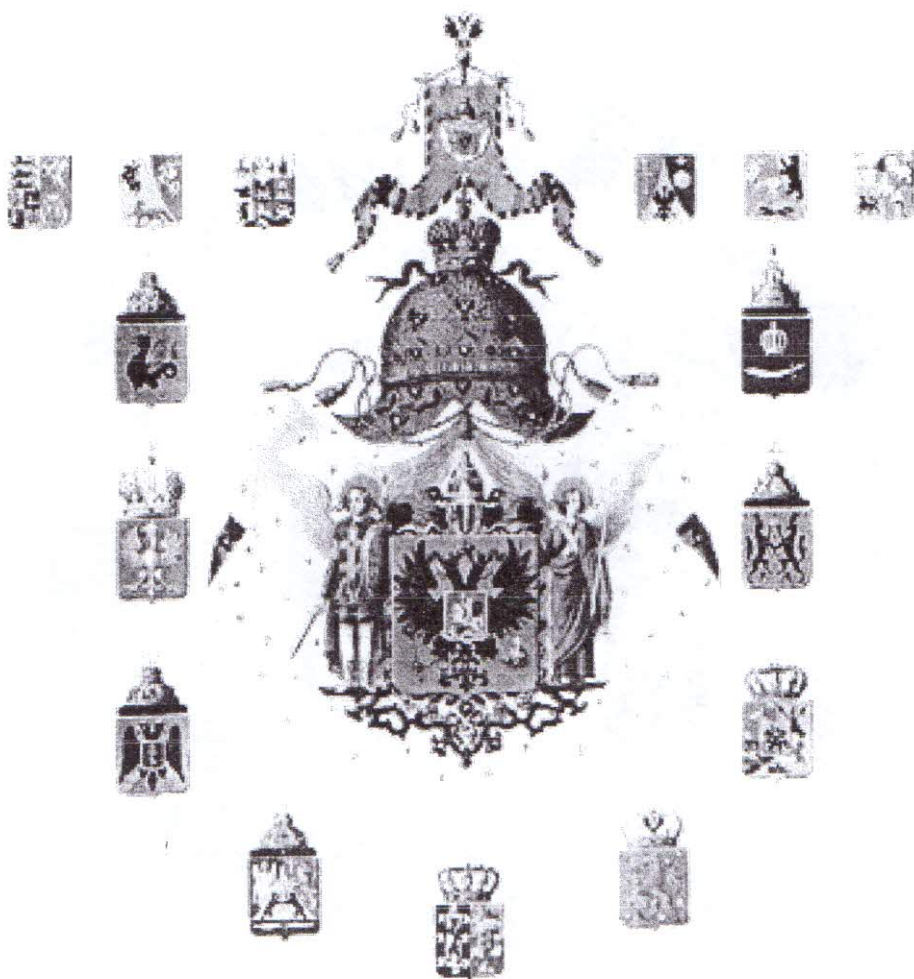

Рис. 17. Большой герб Российской империи, утверждённый в 1857 г.

и 1882 гг. кавказские титульные гербы стараниями выдающегося геральдиста барона Б.В. Кёне были объединены в одном щите в качестве единого герба, который назывался «гербом Царства Грузинского» (по главному титульному кавказскому объекту) и был увенчан короной Грузинского царства (Рис. 19).

В общей композиции Большого государственного герба «герб Царства Грузинского» занимал шестое место (после герба Царства Херсониса Таврического) среди девяти щитов с гербами в нижней полуокружности. В «гербе Царства Грузинского» герб Кабардинской земли занимал третью часть щита (нижнюю правую), а герб Черкасских и Горских Князей — окончность. В описании Большого государственного герба 1882 г. эти гербы выглядят так:

«Герб Кабардинской земли: в лазуревом щите, на двух серебряных, крестообразно, остриями вверх положенных стрелах малый золотой щит с червлёным, обращённым вправо полумесяцем; в трёх первых четвертях серебряные шестиугольные звёзды.

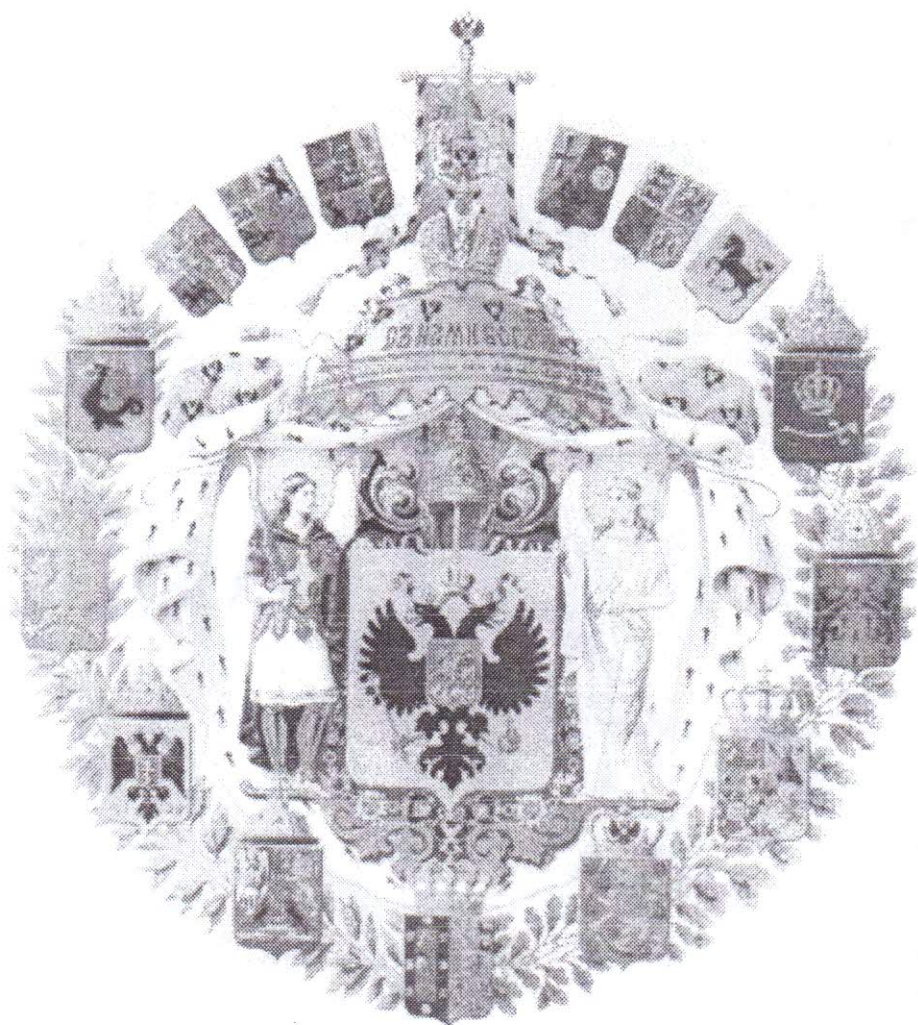

Рис. 18. Большой герб Российской империи, утверждённый в 1882 г.

Герб Черкасских и Горских князей: в золотой оконечности скачущий на чёрном коне черкес в серебряном вооружении, червлёной одежде и чёрной из меха приволоке, с чёрным копьём на правом плече»¹⁹⁴.

В гербе Кабардинской земли, как видим, само изображение вернулось к прототипу из «Титулярника» (судя по всему, Кёне вообще активно пользовался «Титулярником» при создании государственного герба): военный щит вновь «стал» геральдическим, а звёзды — шестиконечными. Но цветовое решение обоих гербов существенно изменилось. Кёне опирался на классические правила европейской, прежде всего немецкой, геральдики (где, в частности, не допускалось наложение металла на металл и финифти на финифть), поэтому и изменил цветовую гамму гербов. В таком виде кабардинский и черкасский титульные гербы оставались вплоть до революционных событий 1917 г.

Рис. 19. Щит с кавказскими гербами из Большого герба Российской империи (рисунок Р.И. Маланичева).

История кабардинских «объектов» в титуле российских государей и гербов, символизовавших эти земли в русской геральдике, наглядно демонстрирует ту тонкую и продуманную политику во взаимоотношениях с народами Северного Кавказа, которая была характерна для России того времени. Научное рассмотрение этой истории позволяет глубже понять особенности как политических реалий и их восприятия, так и символических аспектов культуры России и Кабарды на протяжении нескольких столетий.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В книге представлена история кавказской части титула русских монархов, и прежде всего северокавказских наименований «Государь... Кабардинские земли Черкасских и Горских князей» в царском титуле, а также история геральдических эмблем, их обозначающих, на общем фоне взаимоотношений адыгских («черкасских») княжеств и Московского царства (затем Российской империи).

Первые связи адыгских княжеств с Московским государством установились в ноябре 1552 г. и были вызваны продвижением России на Восток — присоединением Поволжья (Казанское и Астраханское ханства) и выходом к землям Северного Кавказа. Сначала к русскому царю обратились князья западно-черкесских народов: жанеевских, бесленеевских и абазинских «черкасов», с просьбой принять их под своё покровительство и защитить от крымского хана. В 1557 г. в Москву прибыло первое посольство от кабардинских князей, с аналогичной просьбой: «чтоб государь велел им себе служить» и защитил от шамхала, восточного соседа Кабарды.

Анализ текстов источников показывает, что в случае западно-адыгских княжеств речь шла не только о сюзеренитете русского царя по отношению к выражавшим волю «всей своей земли» местным князьям, но и о попытках установления протектората и даже прямого включения этих земель в состав России (крещение жителей и отправка воеводы — наместника).

В случае же кабардинских князей зависимость от Московского государства осуществлялась в более мягких формах и представляла собой вассальную службу князей русскому государю (в обмен на военную помощь против врагов), предполагавшую выплату им жалованья. Назначение в Кабарду русской администрации, выплата жителями каких-либо налогов в виде дани и т.п., ликвидация системы местного управления, правовых норм и прочие действия, характерные для включения новой территории в состав государства, не предусматривались.

Кабардинские князья воспринимались в России как правители, обладавшие династическим статусом, о чём свидетельствует брак Ивана Грозного и Марии Темрюковны. В книге рассмотрен ряд исторических сюжетов, связанных с этим браком: проанализированы имена Марии и её сына Василия, охарактеризована эмблематика сохранившихся вещей Марии Темрюковны: свадебного блюда, перстня-печати, волосника; обращено внимание на церковное строительство, связанное с именем царицы Марии — придел во имя Святой Марии Магдалины в кремлёвской дворцовой церкви Рождества Богородицы.

Подробно представлены генеалогические связи Марии Темрюковны и её семьи с родами Захарьиных-Юрьевых, князей Мстиславских, Бельских, Горбатов-Шуйских, династиями астраханских, казанских, сибирских, ногайских правителей, показано родство известных деятелей второй половины XVI – начала XVII в.: видного опричника князя М.Т. Черкасского, Н.Р. Захарьина-Юрьева, руководителей Земщины князей И.Ф. Мстиславского и И.Д. Бельского, «великого князя всея Руси» Симеона Бекбулатовича, руководителя Семибоярщины князя Ф.И. Мстиславского и др.

Особенное внимание уделено племяннику Марии Темрюковны – Симеону Бекбулатовичу, и истории с его возведением на великокняжеский престол: в выборе его кандидатуры генеалогические связи сыграли важную роль.

Новый этап в истории русско-кабардинских отношений начался во второй половине 1580-х гг. Русско-кабардинские связи в это время развивались параллельно с установлением отношений с Кахетинским царством, поскольку путь в Закавказье лежал через земли Кабарды. В сентябре 1587 г. кахетинский царь Александр признал протекторат России над Кахетией («Иверской землёй»), а в июле 1588 г. шертную запись на верность русскому царю принесли кабардинские князья во главе с верховным князем (пцццхуэ) Камбулатом Идаровичем за всю «Черкасскую Кабардинскую землю». Таким образом был установлен протекторат России над Кабардой, заключавшийся в ограничении внешней политики Кабарды общими интересами московского царя и кабардинских князей, но с сохранением местного самоуправления, законов и обычаев.

Признание верховной власти русского государя со стороны Кахетии и Кабарды, оформленное соответствующими документами, стало причиной включения наименований этих территорий в царский титул. Поводом для этого послужили дипломатические контакты Московского царства со Священной Римской Империей. Включение слов «Государь Иверские земли Грузинских царей и Кабардинские земли Черкасских и Горских князей» в объектный титул русского царя произошло на рубеже июля и августа 1589 г. (в 1605 г. в связи с присягой на верность русскому государю карталинского царя в титул было добавлено определение «Карталинских [и Грузинских царей]»).

Само местоположение кавказских объектов в царском титуле – в заключительной его части, употребление применительно к ним понятия «земля» и сопряжённого с этим понятием титула «государь» ясно свидетельствуют об условном характере власти русского царя над этими территориями. Такая закономерность в семантике титула выявлена при сравнительном анализе кавказских «земель» с другими присутствовавшими в XVI в. в титуле «землями» – Сибирской и Ливонской. Сложная структура кавказской части титула, возможно, объясняется тернарной структурой объектного титула русских царей в целом. Существенно, что первоначально кабардинские элементы титула (как и грузинские) представляли собой не самостоятельные наименования, а как бы уточняющие одно другим: имелись в виду «черкасские и горские князья Кабардинской земли». Важно подчеркнуть, что кавказская часть титула опускалась при дипломатической переписке Московского царства с Турцией и Крымом.

Впервые эмблемы кавказских земель в русской геральдике присутствуют в 1672 г. в «Титулярнике», где каждый элемент объектного титула царя представлен определённым гербом. Среди других гербов здесь имеются и

гербы «Кабардинские земли» и «Черкасских и Горских князей». Наличие самостоятельных гербов для обоих наименований, как и эволюция царского титула в целом, привели к тому, что эти объекты уже не мыслились в качестве единого целого, а представляли собой самостоятельные, хотя и по сути синонимичные элементы. Общая композиция, с одной стороны, грузинских и, с другой стороны, кабардинских эмблем обнаруживает их очевидное сходство. Но конкретное содержание эмблем решено по-разному. На герб титульного элемента «Кабардинские земли» оказала влияние эмблема турецкого султана, что объяснимо мусульманским вероисповеданием населения Кабарды, а перекрещенные стрелы, возможно, были уже тогда одним из сюжетов адыгской символики. Герб же, соответствующий словам титула «Черкасских и Горских князей», представляет собой изображение всадника-горца, держащего на плече копьё. Гербы «Титулярника» имеют словесное описание в особом произведении древнерусской литературы того времени. Известны и написанные на гербы «Титулярника» в конце 1670-х – начале 1680-х гг. вирши (стихи), в которых содержится христианская трактовка эмблем – этот интересный памятник позволяет увидеть, как по-разному понимали те или иные эмблемы в определённых культурных слоях тогдашнего общества.

Гербы кабардинских земель входили в композиции государственных гербов Российской Империи 1800, 1857 и 1882 гг. Вошли они в качестве первой и второй частей и в родовой герб князей Черкасских, утверждённый в 1798 г. В книге прослежена их эволюция на протяжении XVIII–XIX вв., показано как символические особенности культуры разных эпох влияли на изменение геральдических элементов (пятиконечные звёзды в эпоху Павла I, представления о восточных коронах в европейской культуре второй половины XVIII в. и корона герба князей Черкасских и др.). Окончательный вариант гербов Кабардинской земли и Черкасских и Горских князей был сформирован бароном Б.В. Кёне в традициях западноевропейской классической геральдики. При этом учитывались их первоначальные изображения из «Титулярника».

История кабардинских «объектов» в титуле российских государей и гербов, символизировавших эти земли в русской геральдике, наглядно демонстрирует взвешенную и продуманную политику во взаимоотношениях с народами Северного Кавказа, которая была характерна для России того времени. Научное рассмотрение этой истории позволяет глубже понять особенности как политических реалий и их восприятия, так и символических аспектов культуры России и Кабарды на протяжении нескольких столетий. Установление взаимоотношений черкесских княжеств и Московского царства в середине XVI века.

ПРИМЕЧАНИЯ

Глава 1

Установление взаимоотношений черкесских княжеств и Московского царства в середине XVI века

¹ Понятие «черкасский» здесь и далее употребляется в кавычках как термин русских источников.

² Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. Т. 1. XVI–XVII вв. М., 1957 (далее – КРО). С. 3. В той или иной степени события, связанные с установлением отношений между Кабардой и Россией в XVI веке, рассматриваются в работах: *Кокиев Г.А.* Русско-кабардинские отношения в XVI в. // Учёные записки Кабардинского научно-исследовательского института. Т. IV. Нальчик, 1947; *Кушева Е.Н.* Политика Русского государства на Северном Кавказе // Исторические Записки. № 34. М., 1950; *Бушуев С.К.* Из истории русско-кабардинских отношений. Нальчик, 1956; *Кумыков Т.Х.* К вопросу присоединения Кабарды к России // Сборник статей по истории Кабарды. Вып. 5. Нальчик, 1956; История Кабарды с древнейших времён до наших дней. М., 1957; *Смирнов Н.А.* Политика России на Кавказе в XVI–XIX веках. М., 1958; *Кушева Е.Н.* Народы Северного Кавказа и их связи с Россией (вторая половина XVI – 30-е годы XVII века) / Отв. ред. Н.В. Устюгов. М., 1963; *Карданов Ч.Э.* Из истории отношений между адыгскими народами и Россией в XVI веке (1550–1580 гг.). Нальчик, 1972; История народов Северного Кавказа с древнейших времён до конца XVIII в. М., 1988; *Мальбахов Б.К., Дзамихов К.Ф.* Кабарда во взаимоотношениях России с Кавказом, Поволжьем и Крымским ханством (середина XVI – конец XVIII в.). Нальчик, 1996; *Карданов Ч.Э.* Путь к России. Кабардинские князья в истории отношений Кабарды с Российским государством в XVI – нач. XIX в. Нальчик, 2001; *Моков Б.М.* Кабарда второй половины XVI – XVII веков. Нальчик, 2001; *Мальбахов Б.К.* Кабарда на этапах политической истории (середина XVI – первая четверть XIX века). М., 2002; *Клычников Ю.Ю.* У истоков обретения и формирования северокавказской окраины России // Вопросы южнороссийской истории. Вып. 13. М., Армавир, 2007. С. 21–32; *Опрышко О.Л.* По тропам истории. Нальчик, 2007 и др.

³ КРО. Т.1. С.3.

⁴ КРО. С. 389 (Комментарии). О влиянии присоединения Поволжья к России на установление первых русско-черкесских контактов и о международной обстановке на Востоке в связи с Северным Кавказом в то время см.: *Кушева Е.Н.* Народы Северного Кавказа... С. 180–256; *Карданов Ч.Э.* Из истории отношений... С. 31–56. О политике Крыма и Турции в отношении народов Западного Кавказа к середине XVI в. см.: *Некрасов А.М.* Международные отношения и народы Западного Кавказа (последняя четверть XV – первая половина XVI в.). М., 1990. С. 110–112.

⁵ *Кушева Е.Н.* Народы Северного Кавказа... С. 202.

⁶ Сборник Императорского Русского Исторического общества (далее – Сб. РИО). Т. 95: Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымскою и Нагайскою Ордами и с Турцией. Т. 2. СПб., 1895. С. 607.

⁷ Возможную связь «черкасского» посольства с происшедшим незадолго до того взятием Казани отмечал С.А. Белокуров (*Белокуров С.А. Сношения России с Кавказом. Вып. 1. 1578–1613 гг. М., 1889. С. XLI*), однако, трудно не согласиться с мнением Е.Н. Кушевой, что адыгское посольство выехало в Москву ещё до того, как в Черкесии могло быть получено известие о казанском взятии (*Кушева Е.Н. Народы Северного Кавказа... С. 202; см. также: Некрасов А.М. Международные отношения и народы Западного Кавказа... С. 111*).

⁸ КРО. С. 3.

⁹ КРО. С. 3. Князья узнали о набеге крымского хана на их земли в июле 1553 г. (*Кушева Е.Н. Народы Северного Кавказа... С. 203*). В связи с первыми адыгскими посольствами в Москву интересен вопрос, какой язык выполнял роль языка-посредника при этих первых русско-«черкасских» контактах.

¹⁰ КРО. С. 389 (Комментарии).

¹¹ КРО. С. 4.

¹² О влиянии присоединения Астраханского ханства на отношения России с «черкасами» и установление связей с Кабардой см.: *Смирнов Н.А. Политика России на Кавказе... С. 26–27; Кушева Е.Н. Народы Северного Кавказа... С. 224–233; Карданов Ч.Э. Из истории отношений... С. 51. Примечательно, что князья Черкасские (потомки кабардинских князей) помнили о последовательности (а, возможно, и связи) этих событий ещё в конце XVIII в.: «По завоевании государем царем Иоанном Васильевичем Астрахани показались Российской державе и Черкасские князья. Владевший тогда князь... Темрюк Идаров, в знак подданства отправил к государю сына своего Салтмана и дочь княжну Марию...» (*Тройницкий С.Н. К истории герба рода князей Черкасских // Гербовед. М., 2003. С. 79 (апрельский номер за 1913 г.)*).*

¹³ КРО. С. 5.

¹⁴ КРО. С. 7–8.

¹⁵ КРО. С. 5.

¹⁶ *Кушева Е.Н. Народы Северного Кавказа... С. 231.*

¹⁷ КРО. С. 5.

¹⁸ Там же.

¹⁹ *Кушева Е.Н. Народы Северного Кавказа... С. 230–231; Карданов Ч.Э. Из истории отношений... С. 73.*

²⁰ ПСРЛ. Т. 13. Вторая половина. М., 1965. С. 313.

²¹ Там же. С. 322. Позднее Мамай Агишев принял крещение, выехал вместе с братом на службу в Москву и принял участие в Ливонской войне. От него произошли князья Тюменские (*Кушева Е.Н. Народы Северного Кавказа... С. 230*).

²² *Кушева Е.Н. Народы Северного Кавказа... С. 231.*

²³ *Курбский А.М. История о великом князе Московском. СПб., 1913. С. 60.*

²⁴ КРО. С. 9.

²⁵ *Потто В.А. Два века терского казачества. Т. 1. Владикавказ, 1912. С. 8.*

²⁶ КРО. С. 10.

²⁷ Там же. С. 11.

²⁸ Там же. С. 12–13.

²⁹ Там же. С. 19, 93 («Русские и польские источники XVI в. употребляют название «пятигорские черкасы» или «черкесы», применяя его как к кабардинцам, так и к бесленейцам и западноадыгским племенам»).

³⁰ С этим пониманием был связан в частности и тот факт, что шертные записи давались конкретному государю и при смене правителя требовалось их возобновление. Делать на основании этой особенности данного вида документов далеко идущие выводы о характере взаимоотношений не представляется возможным, хотя бы потому, что такова была общераспространённая практика шертных грамот.

³¹ КРО. С. 8.

³² Там же.

³³ *Кушева Е.Н. Народы Северного Кавказа... С. 233. О том же писал и М.Н. Тихомиров (Тихомиров М.Н. Россия в XVI столетии. М., 1962. С. 516). Ср.: Трепавлов В.В. «Белый царь». Образ монарха и представления о подданстве у народов России XV–XVIII вв. М., 2007. С. 186.*

³⁴ КРО. С. 8.

³⁵ Россия и Греческий мир в XVI веке. Т. 1 / Отв. ред. С.М. Каштанов, подгот. к публ. С.М. Каштанова, Л.В. Столяровой, Б.Л. Фонкича. М., 2004. С. 264–268.

³⁶ Интересно, что Иван Грозный так и не оставил мысли породниться с польской и шведской династиями. «Со шведским королём Эриком XIV в 1567 году Россия заключила договор о союзе и разделе Ливонии. В договоре был один странный пункт: король Эрик обещал прислать в жёны царю Ивану жену своего брата герцога Юхана Екатерину. Юхан, боровшийся против Эрика, был заточён в тюрьму, сам же царь Иван потом утверждал, что был уверен в его смерти: ...царю будто бы сообщили, что Юхана «в животе нет». Правда, Иван IV не объяснял, как он собирался уладить отношения с собственной женой – царица Мария Темрюковна была тогда жива. Екатерина, однако, представлялась царю более завидной партией: она была сестрой польского короля Сигизмунда II Августа. Поскольку у Сигизмунда-Августа не было детей, царь рассчитывал приобрести через этот брак права на польский престол» (Кобрин В.Б. Иван Грозный. М., 1989. С. 146). Было даже организовано специальное посольство в Швецию и отправлены бояре, чтобы встречать Екатерину на русской границе (об этом не осуществившемся матримониальном плане Грозного см. также: Хорошкевич А.Л. Россия в системе международных отношений середины XVI века. М., 2003. С. 460–461). Таким образом, Мария Темрюковна чуть было не стала жертвой европейской политики своего мужа.

³⁷ Имя «Гошаней» («Гуашаней») восходит к кабардинскому «гуашэ» – «княжна (княгиня)» (КРО. С. 392 (коммент.)). Важный вопрос в связи с этим – распространённость данного имени в Кабарде вообще и в период Средневековья в частности. Вообще интереснейшая лингвистическая проблема, требующая специального исследования – это трансформация кабардинских имён в русских источниках.

³⁸ См. об этом: Кушева Е.Н. Народы Северного Кавказа... С. 236–238; Карданов Ч.Э. Из истории отношений... С. 78.

³⁹ Броневский С. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. М., 1823. С. 80.

⁴⁰ Кушева Е.Н. Народы Северного Кавказа... С. 151.

⁴¹ КРО. С. 7.

⁴² Веселовский С.Б. Исследования по истории опричнины. М., 1963. С. 52.

⁴³ Сборник материалов по истории предков царя Михаила Фёдоровича Романова. Генеалогический и исторический материал по напечатанным источникам, собранный Н.Н. Селифонтовым. Ч. 1. СПб., 1901. С. 286–287 (родословная, составленная Г.И. Студенкиным).

⁴⁴ Михаил Темрюкович был одним из ближайших сподвижников царя, он возглавлял опричную Думу Ивана Грозного и командовал опричным войском в походах, царь дал ему в удел город Гороховец. В мае 1571 г. Михаила Темрюковича казнили, ещё ранее были казнены его жена и малолетний сын (Флоря Б.Н. Иван Грозный. М., 1999. С. 265–266; см. также: Генрих Штаден. Записки немца-опричника / Сост. и коммент. С.Ю. Шокарева. М., 2002. С. 124–125 (коммент. С.Ю. Шокарева), здесь же и о дискуссиях по поводу известия Штадена о роли Марии Темрюковны в учреждении Опричнины (с. 167)).

⁴⁵ Видимо, выбор воскресных дней для приезда княжны в Москву, её оглашения и крещения показывает то важное символическое значение, которое придавалось переходу дочери Темрюка в православие и наречению её царской невестой.

⁴⁶ КРО. С. 9–10.

⁴⁷ См.: Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б. Выбор имени у русских князей в X–XVI вв. Династическая история сквозь призму антропоники. М., 2006. С. 550–552.

⁴⁸ Московский Кремль. Соборы и церкви. М., 2002. С. 119; Подъяпольский С.С. Московский кремлёвский дворец в XVI в. по данным письменных источников //

Древнерусское искусство. Русское искусство позднего Средневековья: XVI век. СПб., 2003. С. 107.

⁴⁹ См.: *Кудрявцев М.П.* Москва – Третий Рим. М., 1994. С. 216.

⁵⁰ *Подъяпольский С.С.* Указ. соч. С. 107.

⁵¹ Это почитание было обусловлено тем, что помощи преподобного Никиты Столпника, Переяславского, приписывалось рождение, а затем и исцеление царевича Ивана Ивановича (*Флоря Б.Н.* Указ. соч. С. 173).

⁵² Об этом событии см.: *Флоря Б.Н.* Указ. соч. С. 173.

⁵³ ПСРЛ. Т. 13. Вторая половина. С. 365, 366; Т. 29. М., 1965. С. 319, 320. Лебедевская летопись датирует смерть царевича 3 мая (ПСРЛ. Т. 29. С. 320), а Александро-Невская летопись – 4 мая (ПСРЛ. Т. 13. С. 366; эти летописи представляют собой списки продолжения Никоновской летописи). Разница в датах, вероятнее всего, объясняется днём похорон – в то время усопшего обычно хоронили на следующий день после смерти. Таким образом, царевича Василия, если он скончался 3 мая, должны были похоронить 4-го – эта дата и была зафиксирована в одном из летописных списков как день смерти.

⁵⁴ *Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б.* Указ. соч. С. 490.

⁵⁵ Там же. С. 487–488.

⁵⁶ КРО. С. 7–8.

⁵⁷ *Морозова Л.Е., Морозов Б.Н.* Иван Грозный и его жёны. М., 2005. С. 127–128 (биографический очерк о Марии Темрюковне, написанный в научно-популярном изложении, см. на с. 114–159).

⁵⁸ *Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б.* Указ. соч. С. 392–394.

⁵⁹ *Панова Т.Д.* Некрополи Московского Кремля. М., 2002. С. 30.

⁶⁰ *Панова Т.Д.* Кремлёвские усыпальницы. История, судьба, тайна. М., 2003. С. 61. В более ранней книге «Некрополи Московского Кремля» (М., 2002) Т.Д. Панова ошибочно указывает, что царевича Дмитрия похоронили в могиле его деда (!) Ивана III (С. 30).

⁶¹ Государственная Оружейная палата. М., 1988. С. 60–61 (№ 31). После смерти царицы блюдо было отдано Иваном Грозным «на помин её души» в Троице-Сергиев монастырь. Вообще же заупокойный царский вклад в эту обитель был большим: по Марии Темрюковне царь дал помимо блюда 1500 рублей, а по Анастасии Романовне в 1562 г. только 1000 (*Флоря Б.Н.* Указ. соч. С. 139). Сумма в 1500 рублей была в полтора раза больше, чем требовал деньгами крымский хан Девлет-Гирей в качестве поминков (*Хорошкевич А.Л.* Россия в системе международных отношений... С. 515).

⁶² Цит. по: *Хорошкевич А.Л.* Герб // Герб и флаг России. X–XX века. М., 1997. С. 158.

⁶³ Воспроизв.: *Сизова Т.И.* Золото. Металл богов и царь металлов. Из собрания Государственного Исторического музея. М., 2007. С. 32, в тексте на с. 31 отец Марии Темрюковны назван Темрюком Андроновичем.

⁶⁴ Текст эпитафии (с разночтениями!) см.: *Панова Т.Д.* Некрополи Московского кремля. С. 31; *Она же.* Кремлёвские усыпальницы. С. 152. О смерти Марии Темрюковны и ходивших по этому поводу слухах см.: *Зимин А.А.* Опричнина Ивана Грозного. М., 1964. С. 290; *Хорошкевич А.Л.* Россия в системе международных отношений... С. 515.

⁶⁵ См. табл. II в кн.: *Каменцева Е.И.* Хронология. М., 2003. С. 137.

⁶⁶ *Карамзин Н.М.* История государства Российского. Т. IX. Стб. 81. Прим. 269. Б.Н. Флоря неверно датировал смерть Марии 9 сентября (*Флоря Б.Н.* Указ. соч. С. 265, 398).

⁶⁷ См.: *Панова Т.Д.* Кремлёвские усыпальницы. С. 195–196.

⁶⁸ Воспроизв.: *Панова Т.Д.* Кремлёвские усыпальницы. Ил. 49.

⁶⁹ *Елкина И.И.* Одежда, головные уборы и поребальные облачения из усыпальницы рода Романовых в Московском Новоспасском монастыре // Проблемы комплексного изучения церковных и монастырских некрополей. Сборник статей. Под ред. А.К. Станюковича. Звенигород, 2003. С. 60.

⁷⁰ Там же. С. 67–68.

⁷¹ Там же. С. 62.

⁷² КРО. С. 9, 392. Помимо Алтынчач у Бек-Пулада были ещё две жены: Гюнжелан («Дюнгеман») и сестра ногойского мирзы Гази ибн Урака (*Беляков А.В.* Ахматовичи

в России // *Иноземцы в России в XV–XVII веках. Сборник материалов конференций 2002–2004 гг.* М., 2006. С. 508).

⁷³ *Лилеев Н.В.* Симеон Бекбулатович хан Касимовский, великий князь всея Руси, впоследствии великий князь Тверской. 1567–1616 г. (Исторический очерк). Тверь, 1891. С. 3.

⁷⁴ *Зайцев И.В.* Астраханское ханство. М., 2004. С. 157–158.

⁷⁵ *Трепавлов В.В.* История Ногайской Орды. М., 2001. С. 300, 304, 308.

⁷⁶ *Худяков М.Г.* Очерки по истории Казанского ханства // На стыке континентов и цивилизаций... М., 1996. С. 586–587.

⁷⁷ *Лилеев Н.В.* Указ. соч. С. 3.

⁷⁸ *Беляков А.В.* Указ. соч. С. 508.

⁷⁹ *Трепавлов В.В.* История Ногайской Орды. С. 307.

⁸⁰ Там же. С. 313. «А что тебе от нас неотступно быти, тому пособство есть, а пособство тому то: наша царица великая княгиня и твоя княгини меж себя сестры, неотступленью твоему от нас и в том пособство будет» (*Кушева Е.Н.* Народы Северного Кавказа... С. 235), эти надежды, впрочем, не оправдались.

⁸¹ *Любимов С.В.* Сибирские // *Любимов С.В.* Опыт исторических родословий. Гундоровы, Жижемские, Несвицкие, Сибирские, Зотовы и Остерманы. Пг., 1915. С. 58; *Трепавлов В.В.* История Ногайской Орды. С. 375.

⁸² *Флоря Б.Н.* Указ. соч. С. 265.

⁸³ КРО. С. 26–27, 30–34.

⁸⁴ Айше Фатъма Султан происходила из западно-черкесского знатного рода. Её отцом был Тарзатык-мурза, а братья Татар-мурза и Азхад (Ахмед-мурза) служили при дворе крымского хана. Татар-мурза вместе с бесленеевским князем Маашуком Кануковым и жанеевским князем Сибоком Кансауковым в июне 1557 г. приехал на службу в Москву. Высокое положение Айше Фатъмы Султан определялось тем, что она была матерью калги, т.е. наследника крымского престола, будущего крымского хана Мухаммед-Гирея II (*Некрасов А.М.* Женщины ханского дома Гиреев в XV–XVI вв. // Древнейшие государства Восточной Европы. 1998 г. М., 2000. С. 216–219; *Кушева Е.Н.* Народы Северного Кавказа... С. 201; КРО. С. 5). К сожалению, публикаторы этого документа (см.: *Мальбахов Б.К., Дзамихов К.Ф.* Кабарда во взаимоотношениях с Кавказом, Поволжьем и Крымским ханством (середина XVI – конец XVIII в.). Нальчик, 1996. С. 32, 270) не смогли правильно прочесть имя ханши и в результате получилась совершенно неудобоваримая форма – «Айшебрат Масалтан» (в другом месте «Аишеатма Салтан»), которая в последующих работах превратилась в «Айшафат Масалтан». В таком невероятном виде имя жены Девлет-Гирея продолжает «жить» в некоторых изданиях по истории Кабарды и сейчас.

⁸⁵ КРО. С. 9.

⁸⁶ *Флоря Б.Н.* Указ. соч. С. 310; *Лилеев Н.В.* Указ. соч. С. 17–18.

⁸⁷ *Флоря Б.Н.* Указ. соч. С. 309–313 (с опорой на работы С.М. Каштанова и В.И. Корецкого). Обстоятельный анализ этого явления принадлежит В.И. Корецкому (*Корецкий В.И.* 1). Земский собор 1575 г. и поставление Симеона Бекбулатовича «великим князем всея Руси» // Исторический Архив. № 2, 1959; 2). Земский собор 1575 г. и частичное возрождение опричнины // Вопросы истории. № 5, 1967; 3). Материалы по истории Земского собора 1575 г. и о поставлении Симеона Бекбулатовича «великим князем всея Руси» // Археографический ежегодник за 1969 г. М., 1971), С.М. Каштанову (*Каштанов С.М.* 1). О внутренней политике Ивана Грозного в период «великого княжения» Симеона Бекбулатовича // Труды МГИАИ. Т. 16. М., 1961; 2). Очерки русской дипломатики. М., 1972. С. 150–217), А.А. Зимину (*Зимин А.А.* В канун грозных потрясений. М., 1986. С. 24–43). Попытку реконструкции состава «удельного» двора Ивана Грозного предприняли С.П. Мордовина и А.Л. Станиславский (*Мордовина С.П., Станиславский А.Л.* Состав особого двора Ивана IV в период «великого княжения» Симеона Бекбулатовича // Археографический ежегодник за 1976 г. М., 1977).

⁸⁸ *Флоря Б.Н.* Указ. соч. С. 315–316; *Кобрин В.Б.* Указ. соч. С. 130 (с оговорками). Ср. мнение А.А. Зимина, принимавшего объяснение самого царя – «по причине подлости подданных», устраивающих «измену против особы нашей» (беседа с Д. Сильвестром)

(Зимин А.А. В канун грозных потрясений. С. 37; здесь же, на с. 35–37, и обзор мнений в историографии).

⁸⁹ Успенский Б.А. Этюды о русской истории. СПб., 2002. С. 163–164 (работа «Царь и самозванец. Самозванчество в России как культурно-исторический феномен»).

⁹⁰ Там же. С. 183–184. Об ордынских царях и царевичах на московской службе у Ивана Грозного в тот период см.: Зимин А.А. В канун грозных потрясений. С. 27 («К середине 70-х годов XVI в. Саин-Булат был единственным «царём» на Руси (кроме самого Грозного)»).

⁹¹ Именно генеалогические факторы (родство с Марией Темрюковной и особенно генеалогические связи Симеона Бекбулатовича через жену) считал особенно значимыми при выборе этой кандидатуры царём А.А. Зимин (Зимин А.А. В канун грозных потрясений. С. 26–28).

⁹² «Иван IV передал власть не какому-то татарину, пусть и царских кровей, а своему ближайшему родственнику, к тому же уже носившему до этого царский титул», – так образно охарактеризовал эту ситуацию А.В. Беляков (Беляков А.В. Указ. соч. С. 509).

⁹³ Лилеев Н.В. Указ. соч. С. 29.

⁹⁴ Успенский Б.А. Указ. соч. С. 182 (прим. 28).

⁹⁵ Лилеев Н.В. Указ. соч. С. 20; Зимин А.А. В канун грозных потрясений. С. 26, прим. 96; Флоря Б.Н. Указ. соч. С. 310.⁹⁶ Следует заметить, что впоследствии на дочери Фёдора Ивановича, Ольге (ум. в 1609 г.), женился троюродный брат Симеона Бекбулатовича, князь Василий Корданукович Черкасский (погиб в 1607 г.), принадлежавший к потомству брата Темрюка, Камбулата Идаровича. Дядя Василия Кордануковича, князь Борис (до крещения Хорошай (Карашай)) Камбулатович Черкасский (находился на русской службе уже в 1589 г., ум. в 1602 г.) женился на Марфе Никитичне Романовой (ум. в 1610 г.), единокровной сестре патриарха Филарета (а, следовательно, тётке будущего царя Михаила Фёдоровича) и двоюродной сестре царя Фёдора Ивановича. Марфа Никитична была дочерью Никиты Романовича Захарьина-Юрьева (брата царицы Анастасии Романовны) от второго брака, с княжной Горбатой-Шуйской – следовательно, по матери она приходилась двоюродной сестрой жене Симеона Бекбулатовича. Дочь Бориса Камбулатовича и Марфы Никитичны, Ирина (ум. в 1616 г.), двоюродная сестра царя Михаила Фёдоровича, была женой боярина Фёдора Ивановича Шереметева (ум. в 1650 г.), одного из членов Семибоярщины, чья родная сестра Елена Ивановна Шереметева была последней женой царевича Ивана Ивановича (ум. в 1581 г.), сына (от Анастасии Романовны) и наследника Ивана Грозного. Не менее интересными были родственные связи князей Черкасских и в период правления первых Романовых.

⁹⁷ Зимин А.А. В канун грозных потрясений. С. 26.

⁹⁸ О потомстве Петра Ибреимовича и Евдокии Ивановны см.: Лилеев Н.В. Указ. соч. С. 20–21; Худяков М.Г. Указ. соч. С. 565–566; Зимин А.А. В канун грозных потрясений. С. 24–28.

⁹⁹ Флоря Б.Н. Указ. соч. С. 193.

¹⁰⁰ Сборник материалов по истории предков царя Михаила Феодоровича Романова. С. 289.

¹⁰¹ Зимин А.А. В канун грозных потрясений. С. 37.

Глава 3

Русско-Кабардинские отношения конца XVII века, семантика Кавказской части царского титула и первые эмблемы адыгских земель

¹⁰² КРО. С. 10.

¹⁰³ Кушева Е.Н. Народы Северного Кавказа... С. 234.

¹⁰⁴ КРО. Т. 1. С. 28.

¹⁰⁵ КРО. С. 393.

¹⁰⁶ КРО. С. 13, 393. Кто такой «Матлов», не вполне ясно – в родословных кабардинских князей и мурз (XVII в.) упоминаются только трое сыновей Темрюка: Мамстрюк, Домонуко (Даманук) и Салтман (Салнук, Салтанькул, в крещении Михайло) (КРО. С. 383–384). При этом Мамстрюк и Даманук, судя по порядку их перечисления, были старше Салтанкула, но кто был самым старшим, непонятно, поскольку в одном

варианте родословной первым назван Мамстрюк, а в другом – Даманук. Между тем у Темрюка был ещё один сын Булгайрук (Байгарук, он же Беберюк) (КРО. С. 7, 23, 16, 27 и др.). Он был старше Салтанкула, но младше Мамстрюка (в сообщении о приёме сыновей Темрюка в Москву в 1558 г. Булгайрук назван первым, а в документах, связанных с пленением Темрюковичей крымцами, вторым). В мужских именах семьи Темрюка Идаровича прослеживается *общая* антропонимическая тенденция: Темрюк – Мамстрюк – Даманук – Беберюк – Салнук. Имя Матлов (Мазлов) явно выбивается из этого ряда. Возможно, он был побочным сыном Темрюка. Кроме одного летописного известия Матлов Темрюкович больше нигде не упоминается. Возможно, у Темрюка были и другие сыновья, оставшиеся вне поля зрения его потомков, натурализовавшихся в России.

¹⁰⁷ Кушева Е. Н. Народы Северного Кавказа... С. 239 (ответное посольство к шамхату поставило вопрос о строительстве города на реке Овечи Воды, на что шамхал согласился, но было ли реализовано это намерение, неизвестно).

¹⁰⁸ КРО. С. 23, 26, 28.

¹⁰⁹ КРО. С. 397 (коммент.); Кушева Е. Н. Народы Северного Кавказа... С. 257–258.

¹¹⁰ КРО. С. 34 (грамота Ивана IV Мамстрюку Темрюковичу с извещением о возобновлении Терского города, о жалованной грамоте Камбулату Идарову с требованием посылки кабардинского отряда к Темникову). Переизд.: Акты служивых землевладельцев XV – начала XVII века / Сост. А. В. Антонов. Т. 3. М., 2002. С. 396.

¹¹¹ КРО. С. 397 (коммент.).

¹¹² Белокуров С. А. Указ. соч. С. ХCV, 10–14. Кахетинское посольство уехало из осы 11 апреля.

¹¹³ КРО. С. 49.

¹¹⁴ КРО. С. 50–51.

¹¹⁵ О самом явлении *шерти* и её сущности как формы протектората, а также о различиях в понимании этого явления со стороны России и шертовавших народов м.: Трепавлов В. В. «Белый царь». С. 136–138; Он же. «Шертные» договоры: Российский прообраз протектората // Россия и Восток: проблемы взаимодействия / Отв. ред. С. А. Панарин. Ч. 1. Челябинск, 1995. С. 28–30.

¹¹⁶ Сообщение наказа 1555 г. русскому гонцу к польскому королю Сигизмунд II Августу о том, что принявшие русское подданство «черкаские князья пятигорские» должны были давать дань по тысяче аргамаков в год, может считаться «преувеличением, допущенным в дипломатическом документе» (КРО. С. 90 (коммент.)).

¹¹⁷ КРО. С. 52–54 (Жалованная грамота царя Фёдора Ивановича кабардинскому князю Камбулату Идарову и всей Кабардинской земле). Переизд.: Акты служивых землевладельцев... Т. 3. С. 397–399.

¹¹⁸ Белокуров С. А. Указ. соч. С. ХCVI–ХCVII, 64.

¹¹⁹ Белокуров С. А. Указ. соч. С. 62–66; КРО. С. 55–56, 399.

¹²⁰ Белокуров С. А. Указ. соч. С. ХCV, 31–41, 562.

¹²¹ Кушева Е. Н. Народы Северного Кавказа... С. 268–269.

¹²² Белокуров С. А. Указ. соч. С. 55.

¹²³ Там же. С. CI, 61–62, 84, 87, 108–109.

¹²⁴ КРО. С. 56–57.

¹²⁵ КРО. С. 58. Дочь Анзорова была замужем за сыном кахетинского царя Александра, а племянница – за шамхалом (Кушева Е. Н. Народы Северного Кавказа... С. 110).

¹²⁶ КРО. С. 57–58.

¹²⁷ Белокуров С. А. Указ. соч. С. CII–CIII, 133–139.

¹²⁸ Кушева Е. Н. Народы Северного Кавказа... С. 272–273. Шолох ссылался на то, что «в Крыму деи у меня две дочери и многой мой род и племя; а в Шевкалах и Кумыах таково же» (Белокуров С. А. Указ. соч. С. 137).

¹²⁹ КРО. С. 63, 400–401.

¹³⁰ КРО. С. 63, 401 (эта шертная запись хранилась в архиве Посольского приказа в начале XVII в.).

¹³¹ Белокуров С. А. Указ. соч. С. CIII–CIV.

¹³² Там же. С. 127, 223.

- ¹³³ Там же. С. 224.
- ¹³⁴ КРО. С. 400.
- ¹³⁵ КРО. С. 401; Белокуров С.А. Указ. соч. С. 237–238. Вслед за ними 29 мая в Кахетию было отправлено русское посольство Василия Тимофеевича Плещеева и подьячего Тимофея Кудрина.
- ¹³⁶ Грамота царя Фёдора Ивановича князю Мамстыку Темрюкову, см.: КРО. С. 64–65.
- ¹³⁷ КРО. С. 401.
- ¹³⁸ Белокуров С.А. Указ. соч. С. CVII.
- ¹³⁹ Кушева Е.Н. Народы Северного Кавказа... С. 276.
- ¹⁴⁰ Сокуров В.Н. Включение кабардинских земель «черкасских и горских князей» в титул русского царя и политические реалии // Спорные вопросы отечественной истории XI–XVIII веков. Тезисы докладов и сообщений Первых чтений, посвящённых памяти А.А. Зимина. II. М., 1990. С. 255–259.
- ¹⁴¹ Памятники дипломатических сношений Древней России с державами иностранными. Т. 1 (с Империей Римскою, 1488–1594). СПб., 1851. Стб. 1244.
- ¹⁴² Там же. Стб. 1220.
- ¹⁴³ Там же. Стб. 1192, 1195, 1197, 1200, 1207.
- ¹⁴⁴ Там же. Стб. 1120.
- ¹⁴⁵ Карамзин Н.М. История государства Российского. М., 1989. Т. X. Стб. 60–61.
- ¹⁴⁶ Черкесы фигурировали и в титуле крымского хана: «Великой Орды, Кипчакской степи и Крымского юрта хан, множества татар и бесчисленных ногаев и черкесов повелитель» (Трепавлов В.В. «Белый царь». С. 186), что отражало его сюзеренитет над западными адыгами.
- ¹⁴⁷ Интересный вопрос в этом контексте – соотношение русского царского титула с титулом крымского хана, где в XVII в. присутствует формула «горных черкесов [хан]» (букв. «живущих в горах черкесов») (автор благодарен за это важное дополнение В.В. Трепавлову). Может быть, именно этот факт и оказал влияние на наличие в русском титуле применительно к «черкасам» такого определения, которое состояло из двух частей – «Черкасских и Горских князей».
- ¹⁴⁸ Филюшкин А.И. Титулы русских государей. М., СПб., 2006. С. 206.
- ¹⁴⁹ Истории сибирского титула посвящена специальная работа С.М. Каштанова: Каштанов С.М. Сибирский компонент в титулатуре Московских государей XVI–XVII вв. // Общественное сознание населения России по отечественным нарративным источникам XVI–XX вв. Новосибирск, 2006. С. 3–21.
- ¹⁵⁰ Каштанов С.М. Сибирский компонент... С. 6.
- ¹⁵¹ Там же. С. 3.
- ¹⁵² Там же. С. 15.
- ¹⁵³ По крайней мере, с сентября 1599 г. – Памятники дипломатических сношений Древней России с державами иностранными. СПб., 1852. Т. 2: Памятники дипломатических сношений с Римскою Империей (с 1594 по 1621 г.). Стб. 691.
- ¹⁵⁴ Филюшкин А.И. Указ. соч. С. 206–207.
- ¹⁵⁵ Россия и греческий мир... Т. 1. С. 241, 243, 244, 245, 247, 248.
- ¹⁵⁶ Там же. С. 249.
- ¹⁵⁷ Там же. С. 250.
- ¹⁵⁸ Там же. С. 251.
- ¹⁵⁹ Хорошкевич А.Л. Отражение представлений о регионах Государства всея Руси и Российского царства в великокняжеской и царской титулатуре XVI в. // Die Geschichte Russlands im 16. und 17. Jahrhundert aus der Perspektive seiner Regionen / Herausgegeben von Andreas Kappeler (Forschungen zur osteuropäischen Geschichte. Bd. 63). Wiesbaden, 2004. С. 124. См.: Сборник Императорского Русского Исторического общества (далее Сб. РИО). Т. 129: Памятники дипломатических сношений Московского государства со Шведским государством. Т. 1. 1556–1586 гг.). СПб., 1910. С. 65, 70, 79.
- ¹⁶⁰ Хорошкевич А.Л. Отражение представлений о регионах... С. 124.
- ¹⁶¹ Филюшкин А.И. Указ. соч. С. 207.
- ¹⁶² Сб. РИО. Т. 71: Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским государством. Т. 3. 1560–1571 гг. СПб., 1892. С. 73–74, 724; Сб. РИО. Т. 129. С. 228, 230, 243, 244, 245, 264, 277, 279, 292, 293, 295, 299, 301, 339, 341, 348, 349, 354, 356, 357, 365, 372, 375, 387, 394, 395, 396, 400 и др.; Каштанов С.М. Сибирский

компонент... С. 11 (грамоты панам-Радам от января 1576 г., императору Максимилиану II от июля 1576 г.), 12–13 (хиландарские грамоты 1585 г.). См. также: *Хорошкевич А.Л.* Отражение представлений о регионах... С. 124–125 (исследовательница ошибается, полагая, что в указанных грамотах от июня 1570 г. и января 1573 г. определение «отчинный» относится к существительному «Ливонская земля», а не к существительному «государь»).

¹⁶³ *Каштанов С.М.* Сибирский компонент... С. 9, 10.

¹⁶⁴ Там же. С. 10.

¹⁶⁵ Там же. С. 11.

¹⁶⁶ Там же. С. 11.

¹⁶⁷ Там же. С. 11.

¹⁶⁸ КРО. С. 34.

¹⁶⁹ *Каштанов С.М.* Сибирский компонент... С. 14.

¹⁷⁰ Недаром обозначение в титуле Ливонской земли нередко сопрягалось с понятием «вотчины» («отчинный государь») и соседствовало с наименованием «и иных многих земель / государств [восточных, и западных, и северных] отчий, и дедичь, и наследник...» (грамота шведскому королю от марта 1573 г. – Сб. РИО. Т. 129. С. 243; послание шведскому королю от августа 1573 г. – Сб. РИО. Т. 129. С. 228, *Хорошкевич А.Л.* Отражение представлений о регионах... С. 126 (неточная цитата); грамота Хиландарскому монастырю от ноября 1585 г. – *Каштанов С.М.* Сибирский компонент... С. 13; и др.). Притязания русского царя на Ливонскую землю, конечно, не признавались его северными соседями: например, в грамоте шведского короля Юхана III Фёдорову Ивановичу от 2 марта 1585 г. концовка царского титула выглядит следующим образом: «Сибирские земли и тех стран, которые к его земле прилегли, повелителю и обладателю» (Сб. РИО. Т. 129. С. 385).

¹⁷¹ *Флюшкин А.И.* Указ. соч. С. 207.

¹⁷² Памятники дипломатических сношений Древней России... Т. 2. Стб. 925, 1094, 1234. См. также: *Каштанов С.М.* Сибирский компонент... С. 19–20.

¹⁷³ Документы посольства см.: *Белокуров С.А.* Указ. соч. С. 420–516.

¹⁷⁴ *Белокуров С.А.* Указ. соч. С. 471.

¹⁷⁵ Там же. С. 469.

¹⁷⁶ Там же. С. 497.

¹⁷⁷ Там же. С. 512, 515.

¹⁷⁸ Там же. С. 473.

¹⁷⁹ Впрочем, иногда, по-видимому, кавказская часть царского титула в грамотах русским царям от иностранных монархов могла приобретать иные особенности. Так, в тексте «Титулярника» говорится, что валахский и молдавский «владельцы» пишут к Алексею Михайловичу царский титул: «... Кондийский, со всеми Иверскими странами, Царь Грузинский, Кабардинский и земли Черкасской и иным многим землям и странам обладатель» (Древняя Российская Вивлиофика. Ч. XVI. М., 1791. С. 199–200). А в грамоте императора Иосифа I Петру I от 3 апреля 1706 г. о пропуске католических миссионеров в Китай кавказская часть в титуле представлена так: «...et Domino Iveriae terrae, Cartalinensium et Grussensium, Tzaro etiam Cabardiensis terrae, Tserkassiensium et Gorissensium ducum...». Любопытно, что в этих случаях применительно к Кабардинской земле употреблён титул «царь».

¹⁸⁰ *Котошихин Г.К.* О России в царствование Алексея Михайловича. Подгот. публикации, вводная статья, комментарии и словарь проф. Г.А. Леонтьевой. М., 2000. С. 60–61.

¹⁸¹ Изображения эмблем см.: Портреты, гербы и печати Большой Государственной книги 1672 г. СПб., 1903. В орнаментальном обрамлении эмблем «Кабардинские земли» и «Черкашские и Горских князей» использованы изображения раскрытых плодов граната. Вообще цветки и плоды граната – один из главных орнаментальных мотивов декоративного оформления рисунков «Титулярника».

¹⁸² *Белоброва О.А.* О древнерусском «Описании гербам» конца XVII в. // *Гербовед.* № 85. М., 2005. С. 82.

¹⁸³ Там же. С. 87. Слово «татарский» в то время можно считать также синонимом слова «мусульманский».

¹⁸⁴ Там же. С. 87.

¹⁸⁵ См.: *Максидов А.А.* Государственные и национальные символы Кабардино-Балкарии: История и современность. Нальчик, 2006. С. 18–19.

¹⁸⁶ См.: *Сокуров В.Н.* Указ. соч. С. 259.

¹⁸⁷ Изображение, например, см.: *Соболева Н.А.* Российская городская и областная геральдика XVIII–XIX вв. М., 1981. С. 234.

¹⁸⁸ *Nilsson N.A.* Russian heraldic virsi from the 17th century. A manuscript in the diocesan and county library at Vdsteres, Sweden. Stockholm, Gütteborg, Uppsala, [1964] (Acta Universitatis Stockholmiensis, etudes de philol. slave; 10); <http://starbel.narod.ru/gadz.htm>.

¹⁸⁹ *Аверинцев С.С.* Павел // Мифы народов мира. Энциклопедия. Т. 2. М., 1992. С. 273.

Глава 4

Эволюция адыгской символики в русской геральдике конца XVIII – начала XX века

¹⁹⁰ См.: *Тройницкий С.Н.* Указ. соч. С. 75–80.

¹⁹¹ *Хоруженко О.И.* Тамги русских дворянских родов // Гербовед. № 90. М., 2006. С. 87.

¹⁹² Издание см.: Манифест о Полном гербе Всероссийской Империи. СПб., 1993.

¹⁹³ *Котошихин Г.К.* Указ. соч. С. 60; *Кашианов С.М.* Сибирский компонент... С. 21.

¹⁹⁴ Цит. по: *Лукомский В.К., бар. Типольт Н.А.* Русская геральдика. Руководство к составлению и описанию гербов. М., 1996. С. 55–56.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Аббас, персидский шах 35
Абрамян Р.М. 10
Агишев Мамай, тюменский мурза 15
Айша Фатъма Султан, старшая жена крымского хана Девлет-Гирея, двоюродная сестра Марии Темрюковны 28
Аккубек, внук Ахмата, хана Большой Орды 27
Алевиз Новый, итальянский архитектор 21
Александр II, царь Кахетии (1574-1605) 36, 38-42, 46, 69
Александр Казимирович, великий литовский князь 18
Алексей Михайлович, русский царь (1645-1676) 9, 48
Али («Алей»), старший сын сибирского хана Кучума 28
Алтынчач, жена астраханского царевича Бекбулата, дочь кабардинского князя Темрюка Идарова 27
Алхас, кабардинский князь 39
Анастасия Петровна, дочь казанского царевича Петра (Кудайкула Ибреимовича) и княжны Евдокии Ивановны (дочери Ивана IV) 30
Анастасия Романовна, первая жена Ивана IV 18, 20, 22, 26, 31
Анастасия, дочь Симеона Бекбулатовича, правнучка Темрюка Идарова 32
Анастасия (Александра), жена Симеона Бекбулатовича 32
Андрей, царский духовник (будущий митрополит Афанасий) 20
Анзоров Хота, кабардинский уздень 39
Антонов Торх, дьяк, русский посол в Грузии 39
Араслан-Али, сын астраханского хана Кайбулы 27
Асланбеков Чапалау, кабардинский князь 39
Ахмат, последний хан Большой Орды 27
Бабичев А.С. 33
Багратионы, грузинская династия 45, 46
Батый, монгольский хан 27
Бахадыр-Гирей, крымский царевич, сын Мухаммед-Гирея 11
Бахтиар, сын Ахмата, хана Большой Орды 27
Бгажноков Б.Х. 10
Беберюк, кабардинский князь, сын верховного князя Кабарды Темрюка Идарова 28
Бекбулат (Бек-Пулад), астраханский царевич 20, 27, 28
Белоброва О.А. 49
Белокуров С.А., русский историк-архивист 40
Бельская А.Д. княжна, сестра боярина князя Бельского И.Д. 20, 31
Бельские 20, 68
Бельский И.Д. один из руководителей Земщины 20, 31, 69
Беляков А.В. 27
Биркин Р.П. русский посол в Кахетии 36
Благушин Г.А. старший золотописец Посольского приказа 9

Броневский С. 19
Булгайрук Темрюкович, кабардинский князь, сын Темрюка Идарова 20
Бурцов М.И., воевода Терского города 38

Варкоч Николай 40
Василий II Васильевич, московский князь (1425-1462) 21, 23
Василий III, московский князь (1505-1533) 13, 18, 22-24, 30, 31
Василий Анкирский 22
Василий Владимирович, сын старицкого князя Владимира Андреевича 32
Василий Парийский 22
Василий, царевич, сын Ивана IV и Марии Темрюковны 7, 21, 22, 68
Вельяминов Д.И., псковский воевода 40
Веселовский С.Б. 20
Вишневецкий Д.И., князь воевода 13, 17
Владимир Андреевич, старицкий князь, двоюродный брат Ивана IV 32
Воейков А.М., Тарский воевода 42
Вокшерин Ф.В., русский посол к верховному князю Кабарды Темрюку Идарову 19
Вражский В. 13
Вражский Г. 16

Гадзаловский (Годзаловский) С.И., шляхтич из Вильно 52
Георгий X карталинский царь 46, 47
Годунов Борис, русский царь (1588-1605) 30, 40, 45, 46
Годуновы 30, 46
Горбатая-Шуйская Е.А., дочь боярина князя Горбатого-Шуйского А.Б. 31
Горбатая-Шуйская И.А., дочь боярина князя Горбатого-Шуйского А.Б., первого русского наместника Казани 30, 31
Горбатый-Шуйский А.Б., боярин князь, первый русский наместник Казани 31
Горбаты-Шуйские 69
Густав Васа, шведский король 19

Давид I, царь Кахетии 46
Дашков Иван 16
Девлет-Гирей, крымский хан 28, 34

Джан-Али, казанский хан 27
Джучи 27
Дин-Ахмед (Тинехмат), сын правителя Ногайской Орды Исмала, муж старшей дочери Темрюка Малхуруб 27, 28
Дмитрий Донской, Московский князь (1359-1389) 21
Дмитрий, сын Симеона Бекбулатовича, правнук Темрюка Идарова 32
Дмитрий, царевич, сын Ивана IV и Анастасии Романовны 32
Долгово П.В., подьячий 9
Домануко, кабардский князь, сын Темрюка Идарова 37

Евдокия Дмитриевна, княгиня, жена Дмитрия Донского 21
Евдокия Ивановна, дочь Ивана III 20, 30, 31
Евдокия Ивановна, дочь Ивана IV 18, 32
Евдокия, дочь Симеона Бекбулатовича, правнучка Темрюка Идарова 32
Едигей 57
Едигер (Ядыгар-Мухаммед), после крещения Симеон Касаевич Казанский, последний казанский хан, сын астраханского хана Касима 27, 28, 42
Езбозлуков Иван, абазинский князь 11, 13
Елена (Гулчар), царица, дочь карталинского царя Георгия X 47
Елена «Волошанка», дочь молдавского господаря Стефана Великого 18
Елена Ивановна, дочь Ивана III 18
Елена, византийская императрица 20

Жанмурзин Алхас 38
Жемухов С.Н. 8

Зайцев И.В. 27
Засекин Г.О., князь, воевода 40
Захарьин-Юрьев Н.Р., брат царицы Анастасии Романовны, первой жены Ивана IV 31, 62
Закхей 39
Захарьины-Юрьевы 68
Звенигородский С.Г., князь, русский посол в Грузии 39

Зимин А.А. 31

Иван III, великий князь Московский (1462-1505) 18, 20, 21, 23, 30, 31

Иван IV Грозный, первый русский царь (1533-1584) 7, 12, 13, 19-23, 27-34, 41, 42, 44-46, 57, 68

Иван Иванович (Молодой), сын Ивана III 18

Иван, сын Ивана IV 32

Иван, сын Симеона Бекбулатовича, правнук Темрюка Идарова 32

Иванов Андрей, дьяк, русский посол в Грузии 46

Идар, правнук Инала 13

Идаров Темрюк (Темгрюк Айдарович), верховный князь Кабарды (с начала 50-х гг. XVI в. до 1571 г.) 7, 13, 16, 18-20, 28, 33, 35, 36

Идаровичи (Идаровы), династия кабардинских князей 13, 16, 31, 37
Инал, родоначальник кабардинских бесленеевских, кемиргоевских, хатукаевских и хегакских княжеских родов 13, 57

Иоанн Златоуст 21

Иоанн Предтеча 21

Иосаф II, константинопольский патриарх 18

Исмаил, правитель Ногайской

Орды 12, 27

Ишеримов Ших, окоцкий мурза 38

Кайбула (Абдаллах), сын астраханского хана Аккубека 27

Кайтуков (Кайтукин) Исламбек

(Асланбек), кабардинский князь 39

Кайтуков (Кайтукин) Янсох (Жансох), кабардинский князь 39-40

Камбулат (Канбулат) Идарович, кабардинский князь, брат Темрюка Идарова 36-39, 41

Кансауков Сибок (Черкасский

Василий), жанеевский князь 13, 16, 19, 22

Кануков Канкльч (Кавкльч), бесленеевский князь 13

Кануков Маашук (Черкасский Иван), бесленеевский князь 11, 13, 16

Карамзин Н.М. 25, 41

Касим, астраханский хан 27

Каштанов С.М. 42

Кёне Б.В., барон, геральдист 65, 66, 70

Кирилл, просветитель славян 20

Клейн В.К. 26

Козодавлев О.П. 56

Колупаев М. 13

Константин, византийский император 20

Константин, царь Кахетии 46

Корб Иоанн-Георг 52

Котошихин Г.К., подьячий 48

Ксения Борисовна, русская царевна, дочь Бориса Годунова 46

Кудайкул Ибреимович (Петр), брат казанского хана Мухаммед-Эмина 18, 30-32

Куденет (Куденек-мурза) Канбулатович, кабардинский князь 37

Кучум, сибирский хан 28, 42

Кушева Е.Н. 16, 17, 40

Лакиер А.Б. 24, 25

Леонтьев, подьячий, русский посол в Грузии 46

Лжедмитрий I 30, 32, 47

Лилеев Н.В. 27

Лицкевич О.В. 52

Макарий, митрополит 18, 20

Максидов А.А. 10

Максимилиан, австрийский эрцгерцог 41

Малхуруб, кабардинская княжна, дочь Темрюка Идарова, жена правителя Ногайской Орды Дин-Ахмеда (Тинахмета) 27

Мамстрюк, сын верховного князя

Кабарды Темрюка Идарова 27, 37, 39, 40, 44

Мария Андреевна, племянница Софьи Палеолог 18

Мария Борисовна, тверская княжна, первая жена Ивана III 21

Мария, дочь Ивана IV 32

Мария Магдалина, Мироносица Равноапостольная 20, 21, 68

Мария Темрюковна (Гоашаней, Гуашэней, Кученей), кабардинская

княжна, жена царя Ивана IV 7, 16, 18-28, 30, 33, 37, 57, 68, 69
 Мария Ярославна, боровская княжна, жена Василия II, мать Ивана III 21
 Мария, дочь Симеона Бекбулатовича, правнучка Темрюка Идарова 32
 Матвеев А.С., боярин 9
 Мефодий, просветитель славян 20
 Милеску Николай Спафарий, дипломат, ученый 9
 Михаил Федорович, русский царь (1613-1645) 44
 Мстиславская А.И., дочь боярина князя Мстиславского И.Ф. и княжны Горбатовой-Шуйской И.А. 30
 Мстиславские 20, 68
 Мстиславский И.Ф. 30-32, 69
 Мстиславский Ф.И., глава «Семибоярщины» 31, 32, 69
 Муртаза-Али, сын астраханского хана Кайбулы 27
 Мухаммед-Гирей, крымский хан 11
 Мухаммед-Эмин, казанский хан 18
 Мякинин С., русский посол к верховному князю Кабарды Темрюку Идарову 19
 Нащокин И.А., русский посол в Грузии 46
 Непейцын Дмитрий, русский посол в Сибири 42
 Никита Переяславский 21
 Нильссон Нильс Оке, шведский славист 52
 Нина, просветительница Грузии 20
 Новосильцев Л.З., воевода 36
 Орда-Ичен 27
 Павел I, российский император (1796-1801) 59, 70
 Павел, апостол 54
 Палеолог Софья, племянница византийского императора Константина Палеолога, жена Ивана III 18
 Палеологи 18
 Панова Т.Д. 26
 Петр I, русский царь (с 1682, император – 1721-1725) 9

Петр, царевич 31
 Пивов Петр, русский посол в Кахетии 36
 Плещеев Г.С. 16, 33
 Полтев Григорий, казачий голова 40
 Полуханов Степан, русский посол в Кахетии 36
 Потто В.А. 16
 Протасьев Петр 33
 Пчелов Е.В. 7, 8
 Пшеапшоко Кайтукович (Кайтукин, Кайтуков), кабардинский князь 16

Романова Марфа Никитична, жена Бориса Камбулатовича Черкасского 57
 Рудольф, австрийский император 40
 Рюрик, родоначальник династии русских князей 9
 Рюриковичи 18

Савлук 38
 Саид-Ахмед б.Муса 27
 Салнук-мурза (Салтан, Салтанкул) Темрюкович (Черкасский Михаил), кабардинский князь, боярин (1567), государственный деятель России 20, 30, 31, 69
 Селим II, турецкий султан 33
 Сигизмунд II Август, король Польский и великий князь Литовский 19
 Сильвестр Даниил, приказчик общества английских купцов, торговавших с Россией 30
 Симеон Бекбулатович (Саин-Булат, Стефан), касимовский хан, племянник Марии Темрюковны, внук Темрюка Идарова 27, 28, 30-32, 69
 Симеон Полоцкий 52
 Сметанников И.С. 10
 Сокуров В.Н. 40
 Спарвенфельд Й.Д., шведский дипломат 52
 Стефан Великий, молдавский господарь 18
 Сукин Б.И., русский посол к жанеевскому князю Сибоку Кансаукову 19

Тазрют 13

Танашук, черкесский князь 11
Тапсаруков Шолох, кабардинский князь 38, 40
Татищев В.Н. 57
Татищев М.И., думный дворянин, русский посол в Грузии 46
Таусултанов Шолох, кабардинский князь 38, 39
Теймураз, кахетинский царь 46
Токлуй, тюменский князь 33
Тохтамыш, астраханский царевич 20, 27
Траханиотов В.Ю., боярин 22
Трепавлов В.В. 10
Тука-Тимур, внук Чингис-хана 18

Удалой В.М., верейский князь 18
Ураков Казый (Гази бен Урак), основатель Малой Ногайской Орды 16
Урусовы 57
Успенский Б.А. 29, 30

Фаддей 20
Федор Борисович, сын Бориса Годунова 47
Федор Иванович, русский царь (1584-1598) 7, 10, 30, 32, 36-38, 40, 44
Федор, сын Симеона Бекбулатовича, правнук Темрюка Идарова 32
Федоров И.П. 44
Филюшкин А.И. 44

Хандаза 27
Хан-зада, дочь правителя Ногайской орды Дин-Ахмеда, внучка Темрюка Идарова 28

Хантай 27
Хворостинин А.В., князь, воевода 39, 40
Хоздрой Вахтангович, племянник карталинского царя Георгия X 47
Хоруженко О.И. 57

Челищев И., русский посол в Крыму 11
Черемисинов И.С., астраханский воевода 13, 17
Черкасские 13, 20, 56, 57, 70
Черкасский Борис Камбулатович, кабардинский князь, боярин (1592), российский военачальник и государственный деятель 57
Чингизиды 31
Чингис-хан, монгольский хан 18

Шах-Али (Шигалей), Казанский и касимовский хан (царь) 27, 28, 31
Шереметев И.В. 16
Ширинские-Шихматовы 57
Ших-мурза 39
Шейх-Аулиар, касимовский царевич 27
Шкот Иероним 40
Шуйская М. В., жена боярина князя Бельского И.Д. 31

Щепотьев А.Ф., русский посол в Черкесии 2

Юрьев В.М., двоюродный брат первой жены Ивана IV Анастасии Романовны 20, 31
Юсуповы 57

Научное издание

Евгений Владимирович ПЧЕЛОВ

КАБАРДИНСКАЯ ЗЕМЛЯ

в царском титуле и русской
государственной геральдике
XVI – начала XX века

Компьютерная верстка А.С. Кунашев

Художник З.Х. Бгажноков

ЛР № 040940 от 04.02.1999

Подписано в печать 31.08.07. Бумага офсетная.

Формат 84х108^{1/16}. Гарнитура Таймс.

Усл. печ. л. 9.03. Тираж 1500 экз. Заказ № 15

ISBN 978-5-901497-32-6

Отпечатано в Издательстве КБНЦ РАН с готового оригинал-макета
подготовленного в Институте гуманитарных исследований
Правительства КБР и КБНЦ РАН.

360000, г. Нальчик, ул. И. Арманд, 37"а".

Издательство КБНЦ РАН

Тел. (8662) 42-65-42